Тим 4-4/151

№ 40

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE

Цена 25 центов

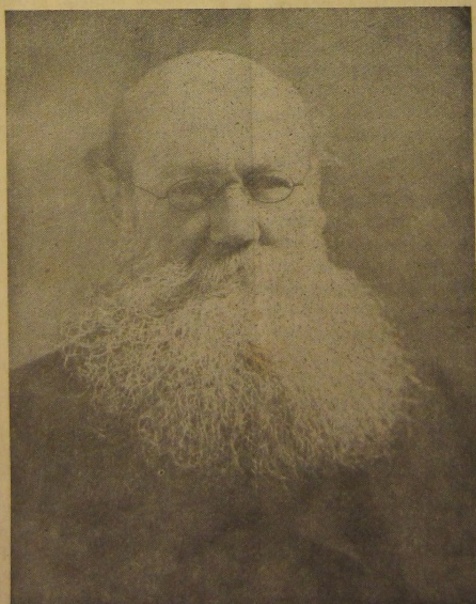
ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

АВГУСТ-ДЕКАБРЬ 1952 г.	DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE P. O. Box 54, Cooper Station New York 3, N. Y.	28-й год издания

110-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

1842

1952

Петр Алексеевич Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН

В короткой заметке нет никакой возможности рассказать с достаточной полнотой всю необычайную жизнь П. А. Кропоткина и изложить хотя бы основные принципы его учения. Мы вынуждены будем остановиться поэтому лишь на самых выдающихся датах его биографии и только самыми общими чертами обрисовать его личность и творчество.

П. А. Кропоткин родился в Москве 9 декабря (по нов. стилю) 1842 г. в семье родовитого князя Алексея Петровича Кропоткина, предками которого были великие князья Смоленские — прямые потомки первого русского князя Рюрика.

Детство и юношеские годы Петра Алексеевича протекли в мрачной и душной обстановке крепостного права. Страшные бытовые явления той эпохи глубоко запечатлевались в чуткой душе П. А. и пробуждали в нем горячую любовь к угнетенным.

По личному распоряжению императора Николая I Петр Алексеевич был зачислен в Пажеский корпус. В корпусе П. А. все свое свободное время посвящал чтению и саморазвитию, увлекался поэзией, музыкой и театром. Его любимыми поэтами в юности были: Шиллер, Гетэ, Некрасов. Большое влияние на П. А. оказали сочинения Герцена. В корпусе же у П. А. зародилась и любовь к точным наукам, особенно к физике и математике.

Летом 1861 года Петр Алексеевич был назначен камер-пажем императора Александра II и перед П. А. открывалась широкая возможность блестящей карьеры.

Однако придворная жизнь и высшее светское общество не ослепили П. А. и он не захотел жить сытой и праздной жизнью блестящего царедворца.

В 1862 году, когда ему было 20 лет, П. А. сознательно порывает связи с высшим обществом и царским двором и едет в далекую Восточную Сибирь, куда его влечет дикая и неисследованная природа. Он ставит себе целью — быть ученым, и вот в течение целых 5 лет он неутомимо исследует отдаленные области Сибири, совершает несколько экспедиций в Китай и Манджурию и вырабатывает из себя настоящего ученого географа-исследователя и геолога.

В 1867 году он возвращается в Петербург. Его научные заслуги признаются Русским Географическим Обществом, которое вскоре избирает его секретарем отдела Физической Географии. В 1871 году П. А. получает научную командировку в Швецию и Финляндию и в то же время Географическое Общество предлагает ему пост Генерального Секретаря. Научные работы увлекают П. А., в его уме складываются величественные теории о строении Азиатского материка, о Ледниковом периоде... Он намечает план больших работ в области географии...

Но... страдания народных масс не дают покоя его чуткому сердцу. Его совесть подсказывает ему, что и отрешившись, и отказавшись от всех привилегий своего класса и зажив скромной трудовой жизнью простого ученого, он еще не выполняет целиком своего долга перед народом. Он сознавал, что необходимо помочь народу освободиться от оков гнета и насилия. И П. А. находит в себе силы сделать и второй решительный шаг. Он отказывается от звания оффициального ученого и уходит в ряды трудового народа, чтобы вместе с ним идти на борьбу за завоевание **хлеба и воли.** Он становится социалистом.

Не пылким юношей, ослепленным красивой утопией, пришел П. А. к социализму, но взрослым, много видевшим человеком. Прежде чем перейти окончательно на другую сторону социальной баррикады, П. А. долго изучал историческую и общественную жизнь народов. Чтобы ближе и лучше узнать теории социализма, он в 1872 г. едет заграницу, знакомится там с деятелями Интернационала и сам вступает в ряды этой ассоциации.

Вернувшись из-за границы, он примыкает к кружку "чайковцев" и начинает вести социально-революционную пропаганду среди петербургских рабочих и учащейся молодежи. Его огромные знания во всех областях науки, его увлекательные речи—скоро выдвигают его из среды других революционеров и П. А. помимо своего желания становится одним из главных руководителей революционного движения семидесятых годов и пионером знаменитого "хождения в народ."

Он горячо отдается организации революционного движения в России, составл[яет] программу революционной пропаганды, пишет статьи, читает лекции, ведет беседы в рабочих кружках...

Но скоро его кипучая революционная

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
4п-29057-02

работа прерывается. В 1873 г. его арестовывают и по распоряжению Александра II запирают в сырой и темный каземат Петропавловской крепости. П. А. ожидала участь пожизненного одиночного заключения в крепости, или, в лучшем случае, ссылка на каторгу, так как Александр Второй никак не мог простить своему бывшему камер-пажу такого страшного преступления, как стать социалистом и революционером.

Просидев в Петропавловке три года, П. А. так расстроил свое здоровье, что тюремный врач приговорил его к смерти. Только тогда Александр Второй, уступая настойчивым просьбам родных П. А., разрешил перевести узника для лечения в тюремный военный госпиталь. Оттуда П. А. совершил свой смелый побег и эмигрировал заграницу.

Но, попав заграницу, П. А. не остается пассивным наблюдателем европейской жизни, как это делали большинство русских эмигрантов, он сразу же входит в европейское революционное движение и после смерти Бакунина становится главным теоретиком анархизма.

Учение Кропоткина полярно противоположно марксизму. Кропоткин — отрицатель всякого централизованного государства, даже социалистического. Его идеалом общественного устройства является федерация свободных самоуправляющихся коммун и союзов. "Это общество, — говорит П. А., — будет состоять из множества ассоциаций, объединенных для совершения таких действий, которые требуют общих усилий... благодаря взаимному соглашению все эти группы будут свободно комбинировать свои усилия... полная свобода будет направлять развитие новых форм производства, изобретения и организации; частная инициатива будет поощряема и всякая тенденция к однообразию и централизации будет устранена..."

Таким образом, анархизм Кропоткина — это свободная кооперация, вольные союзы, основанные на взаимной помощи и солидарности... анархическое общество, по Кропоткину, это ассоциация равных, для которой нет надобности ни в какой власти, ни в каком насилии...

В 1881 г. швейцарское правительство, по проискам русского правительства, изгоняет П. А. из пределов Швейцарии, а в 1883 г. он был арестован во Франции и по настоянию правительства Александра III был приговорен к пятилетнему тюремному заключению. Благодаря протестам П. А. был досрочно освобожден в 1886 г., с запрещением проживать во Франции.

Вследствие этого он вынужден был уехать в Англию, где и прожил вплоть до 1917 года, когда революция в России дала ему возможность вернуться на родину.

Живя в Англии, П. А. занимался, главным образом, разработкой своей теории анархического коммунизма, а также работал в области географии, истории, биологии и экономики. В 1897 и в 1901 г.г. он совершил путешествие в Соединенные Штаты Сев. Америки и в Канаду, где читал лекции по анархизму и русской литературе.

В Англии им написаны главные его произведения: "Хлеб и Воля," "Записки Революционера," "Поля, фабрики и мастерские," "Взаимная помощь, как фактор эволюции," "Великая Французская Революция" и "Современная наука и анархия."

Все эти произведения П. А. проникнуты общностью мировоззрения и в них П. А. пробует дать ответ на волновавшие его вопросы. Три главных вопроса тревожили ум П. А.: 1) каковы основные законы, по которым строится общественная жизнь людей; 2) по каким законам совершаются революции, и 3) каким путем может водвориться на земле справедливость?

Чтобы разрешить эти вопросы, П. А. тщательно изучил естественные науки, в особенности биологию, а также и науки исторические и экономические. Чтобы понять лучше законы современной экономической жизни, он изучал экономическую жизнь Англии, много путешествовал по ее промышленным центрам, вел беседы с рабочими, с предпринимателями и инженерами. Все приобретенные им знания, весь свой опыт он нес народным массам, призывая их к борьбе за новый свободный общественный строй.

В своих книгах П. А. доказывал с неопровержимой логикой, что человечество нуждается не только в **новой** жизни, но в жизни **красивой и свободной;** вот почему он отрицал государственный коммунизм: какая же радость жить в казарме, хотя и построенной по новому плану?

Кропоткин не был узким догматиком, никогда не говорил авторитетным тоном учителя. Отрицавший власть человека над человеком, он не хотел порабощать даже идейно.

В лице Кропоткина мы видим удивительно цельную натуру. На склоне своих лет, как и на заре своей юности, он оставался верен своим идеалам, которые он пронес через

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

тяжелые годы тюремного заключения и необеспеченной эмигрантской жизни.

Всю свою жизнь Кропоткин отдал упорному и настойчивому труду в поисках научной и жизненной правды. Великий немецкий поэт-философ Гетэ сказал: "Благо тому, кто сумеет соединить конец своей жизни с началом ее." Кропоткин сумел это сделать, он гармонически сочетал все свои действия в единую стройную симфонию. Вся его жизнь является единой поэмой — поэмой труда и творческой мысли. **Н. К. Лебедев.**

П. А. КРОПОТКИН*

В первый раз в моей жизни я увиделся с Петром Алексеевичем у старого эмигранта Аитова, куда позвала меня поглядеть на Кропоткина и послушать его проживавшая в Париже Мария Исидоровна Гольдсмит— дочь покойного редактора когда-то чрезвычайно любопытного журнала "Слово," — в свою очередь давшая несколько интересных работ по теории анархизма и по естествознанию.

Чрезвычайно просто и дружественно встретил меня Петр Алексеевич, подойдя ко мне, едва я вошел в комнату, где он находился. Шел общий разговор, при чем больше говорили эмигранты Парижа, собравшиеся приветствовать Кропоткина. Тем не менее, все, что говорил Петр Алексеевич, было полно значения и своеобразного интереса. Очень бледными и мало интересными казались мне рассуждения собравшихся товарищей анархистов. С глубоким интересом прислушивался я к ответам Петра Алексеевича, в которых всегда, как ценное золото, блестело громадное, глубокое знание и той эпохи, о которой он говорил, и тех проблем социальной жизни, которых собравшиеся анархисты не совсем умело на этот раз касались. Один из парижских эмигрантов предложил мне высказаться по какому-то вопросу. Я отказался, заметив, что гораздо интереснее слушать Кропоткина, чем вести обычные среди рядовых эмигрантов разговоры.

На этот раз я не разговаривал с Петром Алексеевичем, но он пригласил меня побывать у него и я посетил его в гостиннице, где он остановился. Общее впечатление, которое я вынес из разговора с ним, сводится к тому, что П. А. был глубоко убежден в торжестве анархических идей и в их истине. Я ушел от него в приподнятом настроении и даже в то время, когда он всей силой своего авторитета встал на сторону французов во время войны с немцами 1914-18 гг., я,—определенный антимилитарист — ясно чуствовал, что Петр Алексеевич по своему прав, хотя и не учел всех последствий победы обнаглевших буржуев Антанты, хотя он не учел того, что победа немцев и их союзников (равно как и победа французов и их союзников) не имеет никакого значения для анархистов.

Кропоткин умер, но громадное влияние оказывают на лучших людей его жизнь, его удивительные работы. С чувством какой-то неловкости слушаешь длинные, водянистые речи громадного большинства современных ораторов, каждый раз удивляешься их жалкой узости, их глубокому мещанству, их потугам смешать социализм с торгашеством и в конце-концов для них же самих вредной жестокостью.

Все учение, вся жизнь Петра Алексеевича были живым протестом против самодовольного, тупого мещанства, такого сильного в наше время в тех рядах сомнительных революционеров, которые преследуют и клеймят всякого, осмелившегося усумниться в их искренности, в их желании работать на общую, а не на свою только пользу. С теми немногими общественными деятелями, которые во истину думают только о великом деле возрождения человечества, Петру Алексеевичу не пришлось сблизиться, поскольку речь идет о России и о последнем времени.

В страшном, трагическом одиночестве доживал он свой век, не видя, или почти не видя своих последователей, своих учеников. Десяток искренних анархистов, посещавших дмитровского отшельника, не могли дать слабого представления о том, как преломились и как распространились его идеи в России. Конечно, он чувствовал, он понимал своим могучим умом, как близки ему и его учению широкие народные массы, психологию которых не могла исковеркать царская, барская и полуинтеллигентская жандармерия. Хочется верить, что не смотря на сплоченность насильников всех наименований, не смотря на цепи, которые и в России и вне ее куются для русского народа, — наша страна, наша Россия не станет добычей жадных коршунов, а выйдет на путь вольного прогрессивного творчества.

Петру Алексеевичу не удалось дожить до светлых времен. Все та же старая, надоед-

---

* Статья печатается с небольшими сокращениями.—Ред.

КООПЕРАЦИЯ И ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ

Кооперация представляет из себя одну из разновидностей взаимной помощи. Тесная связь между этими двумя понятиями могла быть **научно** установлена лишь благодаря исследованиям П. А. Кропоткина о **"взаимной помощи** как деятельной силы развития." Определение, данное кооперации в средине 90-х годов, прошлого столетия, близким другом Петра Алексеевича, Элизе Реклю,— определение, проливающее столь яркий свет на сущность кооперации, было повидимому навеяно трудами Кропоткина о взаимной помощи, которые впервые стали появляться в печати с 1891 года.

Это определение гласит: "Кооперация — научная практика взаимной помощи."

Оно указывает не только на **обдуманный**, основанный на **сознательном расчете, научный** характер кооперации, но выявляет также ее нравственную природу, которая одна может объяснить необычайно быстрые успехи кооперации за сравнительно короткий исторический промежуток времени.

Хотя имя П. А. Кропоткина почти не упоминается в литературе по теории кооперации и сам он не посвятил особых исследований кооперации в тесном смысле слова, но никто не способствовал в большей мере, чем Петр Алексеевич, научному обоснованию и философскому пониманию сущности кооперации.

Установив с научной обстоятельностью, что "общительность является таким же законом природы, как и взаимная борьба," даже больше, что, как условие развития, взаимная помощь "по всей вероятности, имеет гораздо большее значение, чем взаимная борьба," П. А. Кропоткин дал ключ к пониманию, почему кооперация так быстро и прочно прививается.

"Сгруппировав 30,000 потребителей," — пишет он своим друзьям, дмитровским кооператорам, — "вы объединяете не только 30,000 простых покупателей, а сотни людей, понимающих, что есть в жизни нечто **высшее, чем простое личное благосостояние."**

Это стремление, свойственное всему кооперативному движению к чему-то "высшему, чем простое личное благосостояние," может быть понято только исторически вкоренившимся **инстинктом** к взаимной помощи.

Кооператоры, провозглашающие чисто практические рочделевские начала за высшее выражение кооперативной мудрости, упускают из виду главное: что кооперация рочделевского типа является лишь приспособлением кооперации к современной государственно-капиталистической среде, а не ее идеалом. Лишенная своих нравственных стремлений к самоотверженной взаимной помощи, основанная исключительно на простом личном расчете, кооперация утратила бы ту живую силу, от которой зависят и ее успех, и ее стойкость.

Для достижения сравнительно незначительных, далеко не соблазнительных, личных выгод у деятелей кооперации не нашлось бы и десятой доли того внутреннего огня, который поддерживает в них волю к организации и пропаганде.

Не простая случайность, что основоположниками кооперативной мысли являются предтечи социализма. Фурье и Роберт Оуэн, прозванные "утопистами" за то, что они предугадали решающее значение взаимной помощи и общительности в деле обновления общества на более высоких нравственных началах вместо принижающей принудительной государственности.

Своими строго объективными исследованиями над **взаимной помощью** П. А. Кропоткин дал научное обоснование кооперации, как средства для достижения обобществления производства, обмена и распределения материальных и духовных благ, иначе говоря, для осуществления **социализма.** Но не государственного социализма "из-под палки, так как общественность, созданная наси-

---

ливая для всех, кроме ее носителей, жажда власти и богатства, все та же политическая безграмотность и ужасающее экономическое неравенство царят на земле и в старом и в новом свете, как царили в течение долгих тысячелетий...

И все-таки, когда читаешь строго научные, а иногда и вещие работы Петра Алексеевича, растет и крепнет убеждение, что погибнет Ваал и великая, светлая свобода заблестит своим могучим светом там, где в настоящее время тлеет и гниет прикрывшееся роскошным ковром социалистического идеала бесчестное, дико корыстное, безобразное стремление к сладкому куску и к пуховой перине.

А. Карелин.

АНАРХИЗМ, КАК ФИЛОСОФИЯ ДЕЙСТВИЯ

(По П. А. Кропоткину)

В анархизме можно различать миросозерцание, программу и тактику. Среди анархических миросозерцаний учение Кропоткина выделяется своей оригинальностью, стройностью и тщательной научной разработанностью частей. Хотя оно не является общепризнанным среди анархистов, как учение Маркса у социал-демократов, тем не менее, каждый анархист, даже не принадлежащий к школе Кропоткина, должен признать, что в его учении анархическая мысль достигла своих вершин.

Анархизм, как программа, как положительное учение, более единообразен, чем как миросозерцание. И для разработки программы анархического коммунизма, намеченной еще Бакуниным, Кропоткин сделал очень много. Но больше всего он сделал для тактики анархизма. Правда, не Кропоткин, а Бакунин выработал тактику анархизма, но Кропоткин, объединив и систематизировав положения, установленные Бакуниным опытным путем, создал анархическую философию действия. В этом отношении его заслуга перед анархизмом безмерна. Почти вся тактика современного анархизма опирается на его философию действия, которая является почти общепризнанной.

В основе анархической философии действия лежит теория инициативного меньшинства,* дополняемая теорией прямого действия.

"Представители нарождающихся идей всегда составляли меньшинство." Инициативное меньшинство, опираясь на сочувствие широких масс, ставит большинство перед фактом осуществления своих идей, добиваясь таким образом их общего признания. Отсюда вытекает три следствия.

Во-первых, — непримирость. Меньшинство не должно подлаживаться под уровень понятий и привычек большинства. Оно должно идти прямо к цели, "бросая лучи вдохновенных примеров," чтобы увлечь за собой отсталых. Именно за эту непримиримость, за отрицание минимальных программ, за попытку немедленного осуществления социализма и похвалил Кропоткин октябрьских большевиков в своем письме к заграничным товарищам. Непримиримость анархизма объясняется отсутствием у него программы-минимум и ненавистью к урезанным требованиям.

Во-вторых, — анти-демократизм. Считая меньшинство передовым элементом, анархизм отрицает самый принцип демократии: подчинение меньшинства большинству. Вот почему анархисты бойкотируют представительные органы большинства — городские думы, парламенты, учредительное собрание и не доверяют даже всенародным голосованиям (т. е. референдуму или плебисциту). Большинство только санкционирует завоевания меньшинства, которое ведет общество по пути прогресса.

В-третьих, принцип свободного соглашения—в качестве основного принципа анархической политики. Считая меньшинство передовым элементом общества, анархизм и внутри своих организаций стремится обеспечить свободный почин меньшинства. Поэтому анархизм признает только добровольную организацию, признающую право выхода для всех несогласных. Далее, пренебрегая количественным соотношением сторонников того или иного мнения, анархизм отрицает метод решения вопросов путем голосования. Или соглашение и единогласие, если противоречия примиримы, или открытый раскол, если они не примиримы. Наконец, объединение групп происходит на началах конфедерализма и автономии, ради предоставления права инициативы любой части объединения.

Необходимым дополнением теории иници-

---

* См. П. КРОПОТКН — "Речи Бунтовщика," гл. "Рвволюционное меньшинство." М. КОРН — "Революционный синдикализм и анархизм" стр. 61-63. Корн отмечает, что теория инициативного меньшинства является основной историко-философской идеей анархизма. Г. ИБСЕН — Комедия "Враг народа."

лием, не может удержаться," как пишет он своим дмитровским друзьям-кооператорам (и в чем мы убедились по исживаемому уже нами плачевному опыту), "а путем вольных соглашений," не совместимых с государственным принуждением, — путем анархизма.

А. Атабекьян.

ативного меньшинства является теория прямого действия.*

Меньшинство действием увлекает за собою большинство, отрицая всякие способы принуждения его, пробуждая и воспитывая его самодеятельность. Отсюда вытекает три следствия.

Во-первых, идея пропаганды действием, примером. Меньшинство непосредственно претворяет свою волю в жизнь. Оно, своим примером, показывает как следует действовать, пользуясь методом наглядного обучения своей программе и тактике. Действие, пример, заставляет массы задумываться над привычными вещами и отношениями, способствуя развитию их сознания. Наконец, действия возбуждают революционное чувство, ибо "смелость так же заразительна, как и паника."

Во-вторых, отрицание диктутары. Если власть увлекает массы своей инициативой, то она не нужна. Если же власть силою принуждает массы следовать ее указаниям, подавляя свободную инициативу масс, то она вредна. Принуждение вызывает противодействие со стороны масс и приводит к противоположным результатам, возбуждая противоположное стремление и изолируя меньшнство. И анархизм отрицает всякое принуждение в вопросах общественного строительства. Вот почему Кропоткин советовал товарищам не участвовать в советах и других органах диктатуры. "Ми знаем, что сила наших организаций заключается в следующей основной формуле: только свободная инициатива народа может создать что-либо ценное и прочное, а всякая власть стремится убить эту инициативу."

В-третьих, идея самодеятельности масс. Народ, увлекаемый примером инициативного меньшинства, сам строит свою жизнь, руководствуясь своим опытом и знанием. Народу принадлежит только то, что он сумеет захватить в борьбе и удержать своею силой, или создать, расчитывая только на собственные силы. Ему принадлежит только то, что он сам для себя сделает. Вот почему Кропоткин так расчитывал на профессиональное движение и кооперацию.

В. Хрусталев.

* См. П. КРОПОТКИН — "Речи Бунтовщика," главы "Дух восстания," "Революционное правительство." П. КРОПОТКИН — "Анархическая работа во время революции." Теория прямого действия разработана в синдикалистской литературе. Художественное воплощение идеи пропаганды действием мы находим в драматической поэме Г. Ибсена "Бранд."—В. Х.

"ЭТИКА" П. А. КРОПОТКИНА

В 1922 г. в Москве вышел том последнего произведения П. А. Кропоткина под названием "Этика—происхождение и развитие нравственности." В этом замечательном произведении автор обосновывает этику на началах взаимопомощи и кооперации, свойственной не только людям, но и животным. По авторитетному мнению П. А. Кропоткина общительная сторона животной жизни играет гораздо большую роль в жизни природы, чем взаимное истребление. Действительно, число общительных видов среди жвачных, большинства грызунов, многих птиц, пчел ,муравьев и т .д., которые не живут охотой на другие виды, весьма значительно; и число особей в каждом из этих общительных видов чрезвычайно велико.

Можно считать вполне доказанным, что,—тогда как борьба за существование одинаково ведет к развитию, как прогрессивному, так и регрессивному, т. е. иногда к улучшению породы, а иногда и к ее ухудшению, — практика взаимопомощи представляет силу, всегда ведущую к прогрессивному развитию. Затем мы можем счесть доказаным, что по мере того, как взаимопомощь становится утвердившимся обычаем в человеческом обществе и, так сказать, практикуется инстинктовно, сама эта практика ведет к развитию чувства справедливости с его неизбежным чувством равенства или равноправия и нравственного самосдерживания.

В главе о нравственных понятиях у первобытных народов Кропоткин приводит пример северо-сибирского народа алеутов, которые считают, что то-то и то-то стыдно делать. Например: стыдно бояться неизбежной смерти, стыдно просить пощады у врага, стыдно быть уличенным в воровстве, стыдно опрокинуться в плавании со своей лодкой, бояться выйти в море во время бури, первым ослабнуть в долгом путешествии и высказать жадность при дележе добычи (в таком случае все остальные дают жадному свою долю, чтобы его пристыдить); стыдно разболтать тайну своего рода жене, стыдно, если вышли на охоту вдвоем, не предложить лучшую добычу товарищу; стыдно хвастаться своими поступками, тем более вымышленными, и называть другого презрительными словами. Стыдно, наконец, выпрашивать милостыню, ласкать жену в присутствии посторонних или танцевать с нею, а также стыдно лично торговаться с покупателем, так как цену за предлагаемое добро должно назначить третье лицо.

Следующие главы Кропоткин посвящает историческому обзору развития учения о нравственности, начиная с древней Греции и кончая XIX веком. Древне-греческая школа философов-стоиков утверждала, что в жизни необходим ригоризм, т. е. строгое отношение к своим собственным слабостям. Жизнь — борьба, а не вкушение всех радостей. Высший враг человека — отсутствие высшей цели. Для счастливой жизни нужна внутренняя храбрость, возвышенность души, героизм. Такие идеи вели их к мысли о всемирном братстве, о "человечестве," т. е. к мысли, которая еще не появлялась у их предшественников.

Из многих цитированных Кропоткиным философов, экономистов и социологов мы назовем тут лишь несколько. Так француз Жан Кондорсэ (1743-1794) утверждал, что в будущем люди научатся

объединять частные интересы с общими, и сама нравственность станет естественной потребностью человека. Английский философ Давид Юм (1711-1776) писал, что благожелательность друг к другу пользуется всеобщим одобрением человечества. Английский экономист Адам Смит (1723-1790) признавал главною силою в развитии нравственных понятий — симпатию, сочувствие, т .е. чувство, присущее человеку, как существу общественному. Английский философ Бентон утверждал, что "добродетельный" поступок есть правильный расчет, временная жертва, которая дает максимум удовольствия. Немецкий философ Артур Шопенгауэр отвергнул кантовское чувство долга, как основу морали. Нравственное начинается по Шопенгауэру только тогда, когда человек поступает так или иначе из сочувствия к другим, из сострадания. Английский философ и социолог Герберт Спенсер полагал, что чувства общительности и взаимной поддержки являются основами нравственности. Французский философ Гюйо (1854-1888) утверждал, что жизнь жаждет умственной плодовитости и духовной деятельности, богатой ощущениями, чувствами и проявлением воли. По Гюйо настанет день, когда люди будут оспаривать друг у друга возможность совершения акта самопожертвования. "Самопожертвование, говорит Гюйо, входит в общий закон жизни. Неустрашимость или самомотвержение не есть чистое отрицание "я" и личной жизни. Это есть та же самая жизнь, только доведенная до высшей степени."

По словам Кропоткина, Гюйо в своем исследовании о нравственности без принуждения и освящения ее религией выразил современное понимание нравственного и его задач, как оно складывалось у образованых людей к началу XX века.

В заключение своей "Этики" П. А. Кропоткин пишет:

"В самом деле, не учит ли нас жизнь и вся история человечества, что еслибы люди руководились одними соображениями выгоды лично для себя, то никакая общественная жизнь не была бы возможна."

"Весь прогресс человечества, неразрывно связан с жизнью общественной. Жизнь в обществе естественно и неизбежно порождает у людей и животных инстинкт общественности, взаимопомощи, которые в дальнейшем своем развитии у людей претворяются в чувство доброжелательности, симпатии и любви."

Взаимная помощь, Справедливость, Самопожертвование — таковы три элемента нравственности, согласно теории Кропоткина. В послесловии к книге П. А. Кропоткина его биограф Н. Лебедев пишет:

"Реалист и революционер П. А. Кропоткин смотрел на этику не как на отвлеченную науку о человеческом поведении, но видел в ней прежде всего конкретную научную дисциплину, цель которой состоит в том, чтобы вдохновить людей в их практической деятельности. Кропоткин видел, как люди, даже называющие себя революционерами, морально не устойчивы; как у большинства из них нет руководящей моральной идеи, высокого морального идеала."

Проф. В. Тотомианц.

Говорят: Бог создал человека по образу своему, надо бы скорее сказать ,что человек по своему образу создал Бога.—Лихтенберг.

МЫСЛИ П. А. КРОПОТКИНА

"...Вне общественности нет прогресса... Народ, у которого совершенно не развита общественная жизнь, у которого личность подавлена, обречен на разложение и утрату своей самостоятельности..."

***

"Одного разрушения недостаточно. Нужно также уметь и создавать. Народ всегда оказывался обманутым во всех революциях именно потому, что недостаточно думал об этом созидании."

***

"Освободите личность, ибо без свободы личности нет свободного общества..."

***

"Не пытайтесь основать свое благополучие и свою свободу на рабстве других; властвуя над другими, вы сами никогда не будете свободны!"

***

"...Смертная казнь не только ненужная жестокость, но она главный источник, который поддерживает в обществе жестокость нравов..."

***

"...Личное счастье надо искать в счастье всех — в счастье всего человечества."

***

"Увеличивайте свою производительную силу, изучая природу; ваши силы будут расти в тысячу раз скорее, если вы отдадите их на служение человечеству."

***

"Общество должно найти средство сочетать земледелие с промышленностью и ремеслами и позаботиться об интегральном образовании, так как, только обучая детей наукам совместно с ручным трудом, можно дать обществу тех людей, которые ему действительно нужны."

***

"Будь силен! Развивай мощь своей души! И твой разум, твое милосердие и твоя воля к действию распространятся на других...

"Будь силен, будь велик в своих действиях... если хочешь вести жизнь полную и плодотворную."

***

"Борьба за правду, за справедливость и равенство среди народа, за одно с народом, — что может быть прекраснее и выше этого?" П. А. КРОПОТКИН.

ПАМЯТИ ЧИКАГСКИХ МУЧЕНИКОВ

11-е НОЯБРЯ*

Вот уж 20 лет прошло с тех пор, как в Чикаго казнили четырех наших товарищей: Парсона, Шписа, Фишера и Энгеля, пятый — Линг убил себя в надежде спасти этим своих товарищей, а трое — Шваб, Фильден и Нибе — были приговорены к каторжным работам.

Годы проходят. Много погибло с тех пор героев в великой борьбе за освобождение народа, а между тем, до сих пор рабочие вспоминают с особою любовью этих Чикагских мучеников.

Они признали их своими.

Народ отметил их, как своих мучеников.

Почему? Не за то, конечно, что они пустили бомбу в полицию, бросившуюся разгонять расходившийся уже митинг, и убили семерых полицейских.

Все знают теперь, что никто из казненных в Чикаго бомбы не бросал; что митинг был созван без оружия и уже расходился, когда на него напала полиция. Все знают, что казненные товарищи стояли со своими женами возле телеги, с которой только что говорили, когда, в совершенно другом месте, из аллеи одного дома была брошена бомба.

Суд, полиция и синдикат богатых капиталистов требовали **казни анархистов** — все прекрасно это знали. Но они требовали казни Парсона, издателя "Набата," Шписа, издателя "Рабочей Газеты," и Энгеля.

Почему? Потому что они знали, что эти люди поняли истинную сущность рабочего движения, что они всем сердцем отдались ему; и жизнь свою посвятили на то, чтобы в великое рабочее движение внести социалистическую мысль, с одной стороны, и боевой характер — с другой.

"Мысль — в голове, и пуля в ружье," как выразился на нашем Лионском процессе рабочий Борда.

Возьмите их речи на суде. Возьмите их статьи из "Рабочей Газеты" и из "Набата," перепечатанные в сборнике "Чикагские Анархисты."

Возьмите каждое слово, сказанное ими перед смертью, — везде, во всем поражает это чувство:

Они живут за одно с рабочим народом.

* Это письмо П. А. Кропоткина было прочитано на рабочем митинге в Лондине в 1906 году — в день годовщины казни анархистов в Чикаго.

Они отожествляют себя с ним.

Они — не предводители, даже не руководители. Каждый из них — не более, как единица среди всех.

В них нет ни капли демократического аристократизма, которого мы столько видим теперь.

С тех пор, как рабочий Интернационал перестал существовать, этого рода аристократизм все больше и больше развивается в социалистическом движении.

Насколько он развит среди социал-демократии, где рабочий, усвоивший несколько брошюрок, уже подражает своим "главарям," как они, смотрит свысока на других рабочих, — насколько это развито во всех политических партиях, вы это знаете.

Но не составляет ли это тоже аристократизма, когда среди наших товарищей мы встречаем отношение свысока к рабочим массам за их покорность, за их неподвижность?

Не есть ли это тоже аристократизм, держаться вдалеке от рабочих масс?

Жить своею особенною жизнью — жизнью партий или кружковых конспираций?

Верить, что мы, немногие, своими кружками, своими единичными поступками, или даже своею одинокою смертью произведем или вызовем революцию?

Основною мыслью Интернационала было следующее: — "Кто бы ты ни был: рабочий или буржуа, тогда только ты достоин быть членом Интернационала, когда ты живешь среди рабочих:

"Живешь их жизнью; волнуешься их интересами, интересуешься своим ремеслом— и когда твои помыслы идут не на то, что ты будешь действовать сам по себе, — не советуясь с рабочими товарищами, пойдешь в толпе против общего врага — в толпе, которая тебя знает и любит, как товарища; и если уже придется тебе погибнуть, то погибнешь ты в этой толпе, среди безымянных героев.

"Ты хочешь отдать свою жизнь для освобождения народа, так живи его жизнью.

"Народ тогда только признает тебя своим, когда ты своею жизнью докажешь, что ты отдался делу, как дитя толпы, а не как офицер, который тоже сможет совершить великий подвиг на войне, но всегда желает выделиться из толпы, смотрит на нее свысока."

Так говорили в Интернационале. И так поняли свой долг Шпис, Парсон, поэт Фишер и все они.

За это их любит и помнит народ.

Я понимаю отчаяние тех, которые, видя косность, неподвижность, рабство масс, удаляются в свое гордое одиночество и говорят себе: "Пусть они рабствуют; я восстану против их кумиров: государства, собственности, церкви и т. д." Говорят и приводят в действие свои слова и гордо гибнут на эшафотах.

Я понимаю их. Но этого мало. Этого мало, товарищи.

Их пример — скажете — "увлечет других."

Но кто вы такой ,чтобы народ последовал за вами?

Тысячи и тысячи мучеников погибли в человечестве за великие идеи, политические, религиозные и социальные.

Но народ понял только тех, кто раньше, чем принять мученический венец, жили с ним, с народом, делили его хлеб, его мрачную жизнь, его надежды, его радости и горе.

Из всех героев французской революции народ любил одного Марата и пошел за ним, когда он дважды позвал народ Парижа к оружию.

Почему? Потому что Марат, как только началась революция, посадил себя на хлеб и воду, жил и скрывался среди народа и жил он мыслями народа, а не тех, кто считал себя умственными руководителями революции.

Товарищи! Помните это:

Без народа не может быть революции.

Только народ — не отдельные личности, хотя бы их было тысячи героев, только народ может совершить такое великое громадное дело, как революция. Только народу она по силам.

Отдельная же личность, если она отделится от народа и пойдет в одиночку, сама подрежет свои силы.

Наши чикагские товарищи поняли это.

Они отдали свои жизни на организацию рабочих масс, в их рабочих союзах.

И, делая это, они вдохновляли эти рабочие союзы революционным социалистическим идеалом.

И когда среди рабочих союзов появилась мысль о всеобщей стачке, они, зная все слабости рабочих, немедленно отдались всеми силами делу всеобщей стачки.

Но, зная также всю злобу хозяев, они поняли, что всеобщая стачка должна необходимо привести к вооруженному столкновению. И, поняв это, они стали организовывать военную защиту рабочих, они формировали их в боевые отряды и вооружали их.

Вот чего не простила им буржуазия. Вот за что их казнили.

И вот за что их полюбил рабочий народ.

И вот чего он уже 50 лет напрасно ждет от социалистов.

П. Кропоткин.

К 25-ЛЕТИЮ КАЗНИ САККО И ВАНЦЕТТИ

(Последняя глава, в сокращении, из произведения Э. Синклера "Бостон")

В десять часов вечера главный электротехник и его помощник обследовали электрический стул и нашли все в порядке. Затем явился палач, чтобы произвести свое обследование. Его звали Эллиот; он предпочитал сохранить свое имя в тайне, боясь анархистских бомб, но газетная шумиха сделала его личность всем известной: был напечатан его портрет и список лиц, казненных им. Двенадцать дней тому назад он напрасно предпринял путешествие из Нью Иорка в Бостон — казнь была отсрочена, — это доставило ему большое огорчение, и на этот раз он твердо надеялся, что отсрочки больше не будет, и он получит свои семьсот пятьдесят долларов.

Камеру смерти посетил отец Мерфи, чтобы в последний раз "утешить" приговоренных обещанием "вечной жизни" за гробом. Но Ванцетти заявил, что исповедь перед священником послужит во вред тем, кто в нее верит: это еще крепче скует их цепями суеверия. И потому за несколько минут до полуночи отец Мерфи, войдя в клуб администрации тюрьмы, заявил репортерам:

— Мне здесь, как видно, нечего делать, и я уезжаю домой.

Комната клуба напоминала собой биржу в самый разгар деятельности; более сотни репортеров металось взад и вперед, стараясь уловить хоть кусочек "последних известий." В экстренном порядке было установлено множество телефонов, и восемнадцать телеграфистов сидело за восемнадцатью аппаратами, чтобы удовлетворить любопытство алчного мира. Все пять континентов были

связаны прямыми кабелями. Репортер "Ассошиэйтед Пресс" удостоился чести быть приглашенным присутствовать в камере смерти в момент казни при условии, что он поделится подробностями со своими коллегами.

Здесь было также несколько официальных представителей, на обязанности которых лежало — засвидетельствовать и доложить губернатору, что его распоряжения выполнены в точности. Начальник тюрьмы провел их в камеру смерти. В камере вдоль стены стоял ряд стульев, обращенных к электрическому стулу, и "достойные" заняли места.

Палач занял место за ширмой, в углу, налево от элекрического стула; он мог смотреть поверх ширмы, чтобы точно знать секунду, когда можно заработать обещанную плату. Два стража стояли у двери, ведущей в коридор, куда выходили двери камер, и когда начальник тюрьмы дал знак, что все уже готово, они направились к первой камере и отперли дверь. Мадейрос лежал на койке и спал, не ценя особенно последние минуты своей жизни. Стражи разбудили его, поставили на ноги и повели его, полуоцепеневшего, в камеру смерти, закрыв за собой дверь.

Приговоренный был одет в короткие серые штаны, с разрезами на ляжках, и синюю рубаху с короткими рукавами, — специально для электрического стула. Его посадили на стул, и с наивозможной быстротой помощник начальника тюрьмы и один из стражей застегнули на пряжки ремни, которые не позволяли двигаться ни рукам, ни ногам. Два электрода, через которые ток должен был войти в тело, были прикреплены к ногам; третий был прикреплен к голове, закрыв всю макушку; все три электрода были снабжены мокрыми губками, чтобы придать полную проводимость току.

Наконец стражи завязали жертве глаза и отошли в сторону — все было готово.

Палач сделал первое движение руки. Ток с гудением вонзился в свою жертву, тело Мадейроса внезапно подпрыгнуло и, несомненно, слетело бы со стула, если бы не было крепко привязано ремнями. Человеческое тело напрягалось до твердости стали и пребывало в таком состоянии в течение нескольких минут, пока через него проходил ток в тысячу девятьсот вольт. Ужасный запах горящих волос распространился по камере смерти.

Ток был выключен, тело было снято со стула и положено на одну из трех свеже выкрашенных досок, спрятанных за ширмой.

Дверь, ведущая в коридор, открылась опять, и два стража направились во вторую камеру. Никола Сакко не спал; он ждал, чтобы выполнить свой последний революционный долг. Он вышел из камеры с двумя стражами по бокам и, войдя в камеру смерти, окинул взглядом целый ряд свидетелей, оффициальных лиц, электрический стул и ширму, поверх которой блестели глаза палача. Его лицо было бледно и страшно, губы крепко сжаты, выражение вызова было в каждой черте. Он прошел прямо к электрическому стулу и сел; затем, когда стражи начали опутывать его ремнями, он слегка приподнялся и сказал громким голосом:

— Да здравствует анархия!

Стражи не обратили никакого внимания на сказанные слова. Они быстро опутывали ремнями свою жертву, точно боясь, что вот кто-то войдет в последний момент и помешает им. Когда они окончили и отошли в сторону, Сакко открыл рот, и начальник тюрьмы задержал сигнал. "Прощайте жена, дети и все мои друзья!" Затем, когда начальник уже начинал поднимать руку: "Покойной ночи, господа! Прощай, мама!"

Начальник тюрьмы сделал знак, и палач включил ток. Тело подпрыгнуло так, словно хотело вырваться из охватывавших его ремней. Две тысячи сто вольт было назначено палачом этому жилистому крестьянину, от которого нужно было избавить штат Массачузетс; количество амперов было от семи до девяти. В девятнадцать минут и две секунды после полуночи ученые медики объявили о выполненном доле. Тело Николы Сакко было снято со стула, отнесено за ширму и положено на вторую доску.

Затем в третий и последний раз открылась дверь в коридор, и вошли стражи. Бартоломео Ванцетти сидел на своей койке; он знал, что происходит в соседней камере, но это не лишало его присутствия духа; за семь лет пребывания в тюрьме он научился владеть собой. Он встал с койки и направился к двери твердой поступью; стражи держали его за руки. Войдя в камеру, они освободили его руки, он повернулся и окинул их взглядом. Он знал их долгое время и внушил им уважение к себе. Это были бедные люди, вероятно имевшие жен и детей, которых нужно было кормить, и они не могли не делать того, что им приказывали; и потому Ванцетти раньше всего обратился к ним, как и подобает пролетарскому муче-

нику. — Прощайте! — сказал он каждому из них, крепко пожимая им руки.

Затем он повернулся к помощнику начальника тюрьмы Хогсетту, взял его за обе руки и крепко пожал их. — Прощайте! Благодарю вас за ваше хорошее отношение ко мне! — И затем к начальнику тюрьмы: — Начальник, я благодарю вас за все, что вы для меня сделали!

Ванцетти подошел к стулу и сел. Затем он произнес слова, которые заранее хорошо обдумал и взвесил: "Я хочу сказать вам, что я никогда не совершил никакого преступления... Я не повинен ни в одном преступлении, не только в этом, но ни в каком. Я умираю невинным человеком."

Стражи, хорошо дисциплинированные, продолжали свою работу, не обращая никакого внимания на его речь. Электроды были прикреплены в надлежащих местах, ремни затянуты. Когда стража начала завязывать ему глаза, он заговорил опять: "Я прощаю людям, которые сейчас делают со мной это."

Стражи отошли в сторону, и начальник тюрьмы подал знак рукой. Палач включил ток, и тело Бартоломео Ванцетти сделало страшный прыжок, как и тела казненных до него. Тысяча девятьсот пятьдесят вольт было найдено достаточным для него, как более слабого, мечтателя и человека слова, а не действия. Много, много слов было сказано им и написано, но теперь он умолк навсегда. Ток был выключен, медики произвели свою экспертизу, и в двадцать шесть минут и пятьдесят пять секунд после полуночи было объявлено, что последняя искра анархизма погашена в августейшем штате Массачузетс. Начальнику тюрьмы нужно было прочесть торжественную формулу, но его голос изменил ему, и не все свидетели слышали слова: "Имнем закона свидетельствую, что приговоренные казнены; приговор суда приведен в исполнение!"

Третье тело было положено на доску и двери камеры смерти широко открыты — в камере стало душно от высокого напряжения тока и от напряженного состояния мучеников. Стражи и свидетели вышли наружу и начали вытирать потные лбы и шеи, — от пота у некоторых размякли воротнички.

***

Десять тысяч человек собралось у ворот кладбища "Forest Hills"; сотни полисменов сдерживали толпу, не допуская ее за ограду. Катафалки проследовали на кладбище; за ними ехали машины с репортерами и фотографами и небольшая группа родственников и близких друзей. Остальные почитатели покойных, прошагавшие восемь миль под дождем, чтобы присутствовать на похоронах, вынуждены были остаться за воротами кладбища, — за исключением тех, у кого было достаточно ловкости, чтобы перебраться через высокую железную ограду. Внутри небольшой часовни собралось около сотни человек; два гроба, усыпанные цветами, были поставлены на возвышении, и Мэри Донован, бледная, дрожащая, стала рядом с ними. В течение двух лет дело Сакко и Ванцетти было целью ее жизни; ради него она бросила свою религию, своих друзей, свою работу; и теперь ей выпало на долю сказать последнее слово от имени комитета защиты Сакко и Ванцетти.

"Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти! Вы приехали в Америку в надежде найти здесь свободу. Охваченные идеализмом юности, вы стремились найти здесь ту свободу и равенство, которые, как вам говорили, являются бесценным даром этой страны для всех чужестранцев. Ваша жизнь и труд протекали в Массачузетсе — родине американского идеализма. И теперь Массачузетс и Америка казнили вас — убили вас, — только потому, что вы были анархистами.

"Двести пятьдесят лет тому назад правящие классы этого штата вешали женщин в Сэйлеме, обвиняя их в колдовстве. Этот позор никогда не будет смыт. Но это варварство — ничто по сравнению с тем, что теперешние власти Массачузетс сделали с вами. Те, что вешали 'ведьм,' были движимы суеверным страхом. Их взоры были ослеплены себялюбивым стремлением попасть в рай.

"Ваши убийцы не были ослеплены. Они совершили это преступление обдуманно, хладнокровно. В течение семи лет они имели полную возможность узнать о вас правду. Они ни разу не посмели даже упомянуть о вашем характере, о вашем нравственном поведении, — ваше поведение было так благородно, так безупречно, что миллионы теперь следуют ему. Но они отказались всмотреться в вашу жизнь. Их глаза были закрыты низким предрассудком классового положения и классовых интересов. Они больше думали о богатстве, комфорте и существующих законах, чем о правде. Вы, Сакко и Ванцетти, — жертвы величайшей в мире плутократии со времени древнего Рима.

"Долгие годы вашего страдания и последние часы страшнейшей пытки — это живые знамена, под которыми пойдем мы и гряду-

щие за нами поколения к тому лучшему миру, основанному на братстве, за который вы отдали свою жизнь.

"Во имя вашего мученичества мы будем бороться и победим.

"Памятуйте о распятой справедливости! Помните 22 августа! Помните!"

**
*

Заветы Кропоткина

(Отрывки из произведений последних лет)

"...**Везде во всем** нам необходимо усилить производство. Люди Запада считают русский народ нищим; и мы, действительно, народ нищих, несмотря на дворцы, выстроенные в столицах, несмотря на южные наши степи, покрытые хлебами, и на богатства в недрах земли! Нам все нужно, от хлеба и кровати с одеялом для крестьянина и рабочего — до обучения и образования для всех; от дешевого гвоздя до трактора, от сельской дороги до железных путей, от деревенской школы до политехников и университетов! При высоких умственных задатках наших народных масс, мы остаемся нищими...

И вот теперь всем нам предстоит дружно взяться за дело общественной перестройки, чтобы выйти из отчаянного положения, в которое мы попали...

После разгрома Дании Германией в 1864 году, датская молодежь горячо и умело взялась за возрождение своей родины через возрождение крестьянства к новой жизни— хозяйственной и умственной.

Такая же работа, но в несравненно больших размерах, предстоит и нам...

Везде перед нами громаднейшая работа, чтобы помочь народу взяться за починку разрухи... и создать новую жизнь на началах свободы, равенства, "братства и **обобщенного, производительного** труда..."

П. Кропоткин.

**
*

Кто не питает отвращения к тому самолюбию, которое заставляет его ставить себя выше всего в мире, тот вполне ослеплен, потому что ничто так не противоречит справедливости и истине, как такое мнение о себе. Это ложно само в себе, потому что нельзя быть выше всего в мире, и, кроме того, несправедливо, так как все требуют себе того же. Нет несчастья хуже того, когда человек начинает бояться истины, чтобы она не показала ему, как он дурен.

Паскаль.

ПРИХОДЯЩЕМУ

К тебе, товарищ, только что познакомившемуся с идеей полного освобождения от всякого гнета и насилия человека над человеком, еще только желающему вступить в ряды защитников этой идеи и борцов за нее, обращаюсь я.

Прежде чем вступить в эти ряды, подумай о том, что ждет тебя, измерь свои силы, собери все свое мужество, свою любовь к человечеству, свое негодование и возмущение окружающими тебя гнетом, насилием и рабской трусостью и реши: хватит ли у тебя силы на эту борьбу? И только после того, как ты взвесил все, что встретится тебе на этом пути, — иди.

Но тогда уже не жалуйся на усталость, на тягости и горести, на страдания и гонения, которым подвергнешься ты. Ведь ты знал, что ты вышел на борьбу со всем окружающим тебя, со всеми теми элементами общества, которые задерживают и уродуют свободное развитие человечества и каждого человека в отдельности. Ведь ты знал, что твоих друзей и единомышленников только горсточка и что они окружены враждебным им большинством, — тем мещанским болотом, в котором часто тонут одиночки, ибо всем орудиям насилия, подавления, гнета и уничтожения они могут пока противопоставить только веру в правоту своего дела.

Знай, что те, кому выгоден современный насильнический строй, будут гнать и преследовать тебя, если ты не подчинишься и не пойдешь на компромисс, — все равно, будешь ли ты распространять и проповедывать свои убеждения там, где ты родился и вырос, или же там, куда тебя занесет судьба.

Не забудь, что встав в ряды борцов за полное освобождение человека, за анархию, ты не должен ждать того золотого времени, когда установится на земле анархический строй, а должен сейчас, немедленно, проводить то, что считаешь нужным и полезным, и строить свою жизнь на свободнических началах. Стремление устроить свою жизнь на началах свободы в условиях настоящего времени и есть самая трудная и важная борьба, которую только можно вести. И только эти попытки — построить новую свободную жизнь — толкают человечество по пути к свободе.

Но не думай, что та свобода, за которую ты борешься, означает, что "все позволено," и что, борясь за свободу, ты можешь применять все возможные средства насилия, ко-

торые употребляют твои противники. Ведь свобода возможна только тогда, когда она основана на уважении к чужой личности, будь это друг или враг. Всякий борец за свободу должен всегда помнить основной принцип: "Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого," то-есть во всех своих поступках человек, стремящийся к свободе, должен следить за тем, чтобы он этими поступками не посягал на свободу всякого другого человека.

Всякий, стремящийся к свободе, должен всегда помнить, что, поступая так, а не иначе, он может опираться только на самого себя, на свои убеждения и взгляды, а не прикрываться каким-либо авторитетом, и нести ответственность за свои поступки, как бы ни было тяжело, и не прятаться за чужие спины. Стремясь к свободе, он не боится взглянуть правде в глаза и честно сознаться в своих ошибках, ибо все движение человечества вперед, а также развитие каждой отдельной личности основаны, главным образом, на исправлении своих ошибок. "Не ошибается только тот, кто ничего не делает."

Если те требования, которые я предъявляю тебе, ты можешь удовлетворить; если ты не боишься пойти навстречу ожидающему тебя; если ты, — несмотря на то, что на своем пути ты встретишь только тернии и шипы, плевки и ругательства, тюрьму и изгнание, моральные и физические пытки; несмотря на то, что те угнетенные, которые наиболее близки тебе, первые же нанесут тебе удар; несмотря на все то зло, которое принесут тебе люди; — если ты не озлобишься и не потеряешь веры в человечество и любви к нему, предвидя все те поражения и унижения, которые придется пережить тебе; если ты, все таки, пойдешь по этому пути, — то привет тебе, приходящий в ряды борцов за анархию!

Гай Вагенд.

Если ты хочешь достигнуть познания всеобъемлющего я, то ты должен прежде всего узнать самого себя. Для того, чтобы познать самого себя, ты должен пожертвовать своим я всемирному я. — Браминская мудрость.

Когда бы люди захотели, вместо того, чтобы спасать мир, спасать себя; вместо того, чтобы освобождать человечество, себя освобождать, как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества. — Герцен.

Чем должен быть анархист?

Быть анархистом — это далеко не то же самое, что быть членом какой-либо партии. Чтобы поступить в какую-либо партию, или для того, чтобы выступить из нее — нужны только некоторые несложные формальности. Анархист же не поддается внушению. Анархист формируется годами при помощи размышлений, изучений, страданий. Я не понимаю, как могут так называемые товарищи дезертировать. Если они переходят в другие партии, значит, они никогда анархистами не были. Я понимаю, если кто-нибудь выходит из рядов бойцов, — человеческие силы ограничены. Но мне совершенно непонятно, как можно отречься от наших идей, если они вошли в кровь и плоть.—**Д. А. Сантиллан.**

***

Теоретический журнал, освещающий, разъясняющий, угллубляющий идеи анархизма, нам давно нужен. Будь он раньше, многое то, чего мы теперь являемся свидителями, не было бы в анархическом стане.

Отрицать необходимость теоретического журнала могут только те анархисты, которые, прочитавши десяток-другой брошюр и статей по анархизму, полагают, что они уже дошли до конечной точки самоусовершенствования, что истину знают только они, что все то, что не от них и ново для них, то от лукавого. Лично я не придаю какого бы ни было значения ни самим таким анархистам, ни их мыслям.—**Б. Стоянов.**

***

Века эволюции только видоизменили жестокости первых грубых государств. Даже в демократических странах, где народ думает, что он избирает своих правителей, сущность правительств — та же самая. Исходя из старых понятий об абсолютной власти, эти демократии полагали, что для масс необходимо нужно какое-нибудь правительство, и как только они (массы) сбрасывали одни формы неволи, — другое ярмо накладывалось на их шеи, доказывая через некоторое время, что новое бремя так же неприятно, как и старое. Да народ и не управляет в демократиях более, нежели в других государствах. Он даже не избирает своих правителей. Эти правители выбирают сами себя, и посредством силы, хитрости и происков достигают тех же результатов, как и их примитивные предки достигали с помощью дубины.—**Кларенс Дарроу.**

35-ЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

(ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЛАГОДЕТЕЛЬНОСТЬ)

Последователи марксизма и вообще сторонники авторитарного социализма или коммунизма, каковым является русский большевизм, верят в спасательную силу сугубо централизованного государства. Существующее в современном буржуазном обществе неравенство, социальные неурядицы, экономические кризисы, лишения и эксплоатация трудящихся проистекают главным образом потому, что все средства и орудия производства принадлежат привилегированным группам. Чтобы избавиться от всех этих разъедающих зол и противоречий, нужно, по их убеждению, все "национализировать," — изъять из владения частных лиц все орудия и средства производства и сделать их общенародным достоянием, государственной собственностью, передав их в распоряжение "революционного правительства," которое уравняет всех граждан. Дальше они подчеркивают, что уравнения в правах и справедливого распределения материальных и духовных благ нельзя ожидать от буржуазного или коалиционного правительства, состоящего из представителей различных партий, защищающих интересы выдвинувших их групп: их может дать народу только "свое родное," рабоче-крестьянское правительство, которое возьмет быка за рога и посредством "диктатуры пролетариата" наведет порядок. За установление такого благодетельного строя коммунистическая партия зовет народные массы на борьбу, при удачном завершении которой "рабочие потеряют свои цепи, а приобретут весь мир."

Идея заманчива и для эксплоатируемых слоев населения может послужить толчком к пробуждению, возникновению надежды на лучшее будущее. Ведь кому охота пребывать в рабстве? И кто только из угнетаемых не хочет освободиться от цепей и приобрести весь мир? Обещания установить декретами революционного правительства равенство и справедливость и наделить всех и каждого земными благами не может не вызвать сочувствия у порабощенных горемык. Вот почему в Европе, Америке, Азии и Африке многие прислушиваются к большевицкой агитации, сочувствуют коммунизму и часто одобряют, а то и поддерживают домогания коммунистов. Они даже готовы бороться за то, чтобы все богатства, находящиеся в руках капиталистов, перешли в распоряжение правительства, которое, по заявлению пропагандистов, не замедлит распределить их между бедняками.

Блажен, кто верует, — изрекали древние мудрецы. Мы же этой веры не только не разделяем, но и знаем из 35-летней практики большевизма в России, что она пагубна для народа по своим страшным последствиям. Более трагического заблуждения, чем слепая вера в спасательную силу правительства, и быть не может. Народы России жестоко поплатились за свою легковерность и десткую наивность; они и теперь еще стонут под бичем "родного" правительства. Их надежды на государственное преобразование по завоеванию хлеба и воли для всех и каждого оказались бессмысленными мечтаниями.

Заметим мимоходом, что экспроприация государством всех средств и орудий производства, т. е. насильственный захват их органами властл, ни в коем случаи не означает, что они переходят таким образом в достояние народа, т .е. всех вместе и никому в отдельности: наоборот, раз все переходит в руки правительства, то оно и становится его собственностью, но отнюдь не общества, которое превращается в придаток к орудиям и средствам производства и становится объектом эксплоатации. Большевики это прекрасно понимают, и хорошо знают, чего они добиваются, но скрывают от народа свои подлинные цели. По этой причине они отожествляют себя с народом или обществом, и свои личные вожделения и партийные интересы выставляют в качестве жизненных интересов общества, чтобы лицемерным вниманием к нуждам обездоленных привлечь их на свою сторону и с их помощью добраться к власти. В этом отношении весьма показателен большевицкий опыт в России и в окупированных соседних странах.

Неосведомленные рабочие и крестьяне, возлагающие все свои надежды на "революционное правительство," которое якобы наградит их всякими благами, должны понять и навсегда запомнить, что правительства никогда не делали этого в прошлом, не сделают и в будущем. Все богатства создаются исключительно трудом и творче-

ством трудящихся в разных областях промышленности, земледелия, науки, искусства, мысли и вообще человеческих знаний. Именно они, никому неизвестные труженики, являются творцами всех богатств. Правительства же никаким продуктивным трудом не занимаются и никаких ценностей (материальных или духовных) не создают. Следовательно, раз не создают, то и дать не могут, если не отнимут их у производителей.

Главные функции правительства заключаются в т. н. искусстве управления подданными и обирании их посредством прямых и косвенных налогов. Недовольных и строптивых оно карает тюрьмой, ссылкой на каторгу или смертной казнью. Отсюда вытекает, что оно может дать народу не жизненные блага, а только цепи, от которых его пропагандисты обещают якобы освободить. Так оно и получилось в России: в феврале 1917 г. народ свергнул царское самодержавие, но по душевной простоте доверился политическим жуликам "советского революционного" правительства, поставивших себе целью занять теплые места низложенных царедворцев. Таким образом самодержавие превратилось в диктатуру Ленина, а потом Сталина, который, как только добрался к власти и упрочил свое положение диктатора, физически уничтожил не только политических противников, но и видных своих товарищей — всю ленинскую гвардию.

У многих преобладает мнение, что неразумна и нетерпима лишь жестокая форма власти человека над человеком, но правительство нужно для поддержания порядка в обществе. Поэтому в буржуазных странах они смотрят на правительство, как на беспристрастного арбитра, призванного блюсти порядок и улаживать конфликты, возникающие из-за противоречевых интересов разных групп общества. Однако, на деле, в повседневной жизни кажущаяся беспристрастрасность редко соблюдается: всегда выигрывает могущественный, влиятельный и сильный, а слабый обязан подчиниться. Гораздо хуже обстоит дело в тех странах, где правительство берет на себя функции предпринимателя и выполняет роль хозяина, банкира и распределителя жизненных благ. Такое правительство, став единственным хозяином-монополистом и ничем неограниченным повелителем, превращается в кровожадного и ненасытного изверга, становится бичом народным. Оно совершает преступления за преступлениями против народа, но утверждает, что все это делается для народного блага.

Какими же благами наделило российских рабочих и крестьян "родное, рабоче-крестьянское, советское, социалистическое" правительство за истекшие 35 лет своего господства? Никаких благ оно им не дало и дать не могло, но беды наделало и причинило им много вреда, мук и страданий, натворив уйму зла и пролив реки человеческой крови.

Прежде всего путем террора советское правительство ликвидировало великую Русскую Революцию и все ее завоевания. Оно экспроприировало занятые рабочими-производителями фабрики, заводы и мастерские, а у крестьян-земледельцев отняло землю и стало единственным хозяином-собственником всех средств и орудий производства. Но без людей земля и фабрики бесполезны, как мертвый капитал. Они ценны, когда земля возделывается и на ней выращиваются нужные населению продукты питания и когда на фабриках и заводах вырабатываются не менее необходимые товары и машины. Рабочие и крестьяне отказались было работать на нового хозяина. Тогда советское правительство путем искусственного голода и беспощадного террора принудило их работать из-под палки и пряника.

Однако, пассивное сопротивление рабочих и крестьян продолжалось. В бешенстве советское правительство прибегло к новым мерам воздействия: оно прикрепило рабочих к промышленным и торговым предприятиям, а крестьян — к земле и установило суровые кары за прогулы и опоздание на работу, а за срезывание колосьев ввело смертную казнь. Звериная жестокость советского правительства показала его полное идейное банкротство. Его борьба с населением за установление государственного социализма-коммунизма сопровождалась бесчисленными человеческими жертвами и завершилась новым крепостничеством.

Теперь рабочие и крестьяне России обязаны работать на своего хозяина-эксплоататора в лице советского правительства за ничтожную зарплату, находясь под бдительным надзором компартийцев, поставленных в качестве погонщиков и осведомителей правящего центра. Рабочие и крестьяне лишены всяких прав и свободы, самой малейшей самостоятельности и превращены в молчаливых рабов монопольной фирмы ВКП(б), которая распоряжается ими, как вещами, и по своему усмотрению перебрасывает их с одного места работы на другое.

Короче говоря, советское правительство превратило Россию в огромную тюрьму народов, за пределы которой оно никого не выпускает, за исключением особо доверенных эмиссаров, командируемых в заграничные поездки для выполнения пропагандных и подрывных заданий в буржуазных странах, и никого не впускает, за исключением хорошо известных ему правоверных коммунистов и попутчиков, так как боится проникновения на территорию СССР "шпионов," которые могут раскрыть вдруг конспиративные замыслы и секреты трусливого Кремля, готовящегося к новой войне и усиленно вооружающегося. Его ближайшая цель — добиться мирового господства. Чтобы облегчить себе эту задачу, советское правительство бросает огромные средства на пропаганду и вербовку шпионов из среды государственных служащих в буржуазных странах. Оно надеется, что пропагандной ложью и обманом привлечет на свою сторону обездоленные массы, при содействии которых значительно облегчит себе завоевание. А потом... Судьба народов России известна.

В заключение хочется отметить, что несмотря на кажущуюся мощь, которую советское правительство всегда любит подчеркивать, несмотря на милитаризацию страны и хвастливые заявления "разгромить врага на его территории," засевшие в Кремле диктатурщики все время пребывают в страхе, боясь возмездия за свои бесчисленные преступления. Они прячутся от глаз народа за стенами Кремля и ограждают себя усиленными рядами охранников и полиции. Это свидетельствует о молчаливом нарастании народного гнева. Террор и казни вообще — признак деградации и моральной низости, на которую способны только выродки. Они поработили народ физически, телесно, но не сломили в нем духа сопротивления в его пассивной борьбе за свободу и справедливость. Дух сопротивления живет в каждом честном человеке. Великий народ не может выродиться за 35 лет в подонков, которые им управляют. Он молчалив, его принудили к молчанию, но дух его силен. Вот почему опутавшие его сатрапы дрожат от страха.

Большевизм — явление преходящее: он так же исчезнет, как и появился. Но идеалы свободы, равенства и братства всегда будут служить народам путеводной звездой в их борьбе за хлеб и волю, за справедливость и довольство для всех, за светлое будущее человечества.

К. Филиппович.

СОЛИДАРНОСТЬ

Мы коснемся в этой статье вопроса о человеческой солидарности, в которой ощущается большой недостаток, несмотря на то, что современные люди верят в борьбу и насилие. Даже солидарность они теперь часто пытаются привить насильно. Таких именно людей еще давно имел в виду великий немецкий поэт Шиллер, когда он сказал:

"Не хочешь быть моим ты братом,
Сломлю тебе я череп млатом."

Ясно, что человечество морально обанкротилось, если идеи братства, товарищества и вообще солидарности завоевывают себе симпатии не добром, а силою. Но едва ли удастся силою вдолбить в эгоистичных и мало культурных людей навыки альтруизма и любви к ближнему. Мы не верим не только в то, что войну можно уничтожить войной, но и в то, что благодетельствовать людей можно путем кровавой борьбы.

Никогда еще человечество не страдало так от разрушения тех тонких нитей, которые его связывали. Не только люди одного народа, но и все граждане мира экономически и морально связаны друг с другом. Горе одного в большей или меньшей степени отражается на другом. Недаром французский философ и поэт Гюйо сказал:

"Быть может, в мире нет печали одинокой.
Нет личной радости: все связано глубокой
Незримой общностью страданий и любви;
Мы не чужды вам, все ваше мне родное,
И чувства всех людей должны быть и мои:
Мне счастьем может быть лишь счастье мировое."

В этих стихах поэта ярко выражена не только мировая солидарность людей, но отчасти и мировая скорбь. Этой скорбью полны теперь все люди, даже те, которые не сознают этого. Теперь нет ни одного счастливого народа, ни одной счастливой страны: все несчастны или недовольны.

Где гордость и самодовольство наций-победительниц? Обрели ли они покой после блестящей победы? Нет. И неужели урок, полученный человечеством в последней войне, кровавые следы которой еще не отстыли, уже забыт? Или же человечество находится во власти слепых и диких страстей, которые питают его жадность, зависть и злобу?

А между тем опустошения, причиненные международными и гражданскими войнами, не исправлены и в сотой доле. Многие страны лишены продуктов первой необходимости, привозимых из других стран или из-за

океана. Несмотря на успехи воздухоплавания, пути сообщения находятся в ужасном состоянии и стоят весьма дорого. Замечаемое в некоторых государствах Западной Европы и Северной Америки перепроизводство некоторых товаров на самом деле не есть перепроизводство или изобилие этих товаров. Страшный кризис и безработица объясняются главным образом тем, что затруднены пути снабжения товарами и что масса не имеет средств для покупки их. Сухопутные и водные пути ухудшились и вздорожали. Государства отделились друг от друга новыми таможенными барьерами, и это стесняет ту почти свободную циркуляцию благ, которая происходила в мире еще недавно. Нити мировой экономической солидарности оборвала жестокая война, и народы не завязали еще новых и более крепких нитей.

Это болезнено ощущается и сознается всеми передовыми людьми. Вот почему интернационализм стал теперь одним из самых привлекательных лозунгов дня. Делается попытка решения политических и экономических вопросов в международном масштабе. Нужда, безработица, вообще горе охватили все человечество, и борьба с ним стала столь трудной, что требует международных усилий.

Речь должна идти не только о восстановлении международного товарообмена, но и о развитии международных социальных организаций. Международная работа не помешает работе национальной — по устроению своего разрушенного или запущенного угла. Великий мировой писатель и моралист Л. Н. Толстой как-то сказал, что истинная жизнь создается не там, где бранятся, борются, бьются, убивают друг друга и где слышен треск разрушаемого, а там, где происходят чуть-чуточные, едва заметные для поверхностного наблюдателя, изменения. Без этих внутренних изменений души самые радикальные внешние пертурбации могут остаться бесплодными.

Итак, народы страдают от нарушения мировой солидарности. Теперь многим стало ясно, что почти невозможно обосновать свое счастье среди всеобщего несчастья. Многие сознают это. Но от сознания до желания или умения провести в жизнь это сознание еще далеко. И горе в том, что люди все еще верят в государственную силу ветеринарного лечения купоросом, в силу огня и меча.

Мир и благоденствие наступят лишь тогда, когда все мечи будут перекованы в орала.

Проф. В. Тотомианц.

Число рабочих в США

По данным министра торговли Сойера, в августе работало 62,354,000 человек, из коих в промышленности и в обслуживании было занято 55,390,000 против 54,636,000 работавших в июле, а на сельско-хозяйственных работах — 6,964,000 человек, на 634,000 меньше чем в июле. Безработных числилось в июле 1,942,000 человек, в августе — 1,604,000.

По данным Бюро Перепеси, в середине сентября работало 62,260,000 человек. Число промышленных рабочих составляло 54,712,000 человек, сельско-хозяйственных — 7,548,000 человек, а безработных — 1,438,000 человек против 1,604,000, числившихся в середине августа, и 1,942,000 — в середине июля, когда бастовали металлисты.

По данным министра труда Тобина, 35 миллионов рабочих обеспечены безработным пособием. Из них 1,043,401 человек получали безработное пособие в августе и 697,280 человек — в сентябре. Снижение цифры требований безработного пособия показывает об уменьшении безработицы в рядах застрахованных рабочих ("Н. И. Таймс," 29-9-52).

ЗАБАСТОВКИ

Из-за стачек, имевших место в первой половине текущего года в США, было потеряно 30,700,000 трудодней против 10,400,000 рабочих дней, потерянных вследствие забастовок за первые шесть месяцев 1951 г. В штате Нью Иорк за отчетный период бастовало 116,000 рабочих и было потеряно 1,840,000 трудодней против 966,000 в 1951 году ("Н. И. Таймс," 11-8-52).

***

Одна из главных причин бедствий людей — это ложное представление о том, что одни люди могут насилием улучшать, устраивать жизнь других людей. Насилие производит только подобие справедливости, но удаляет людей от возможности жить справедливо без насилия. Насилие же по существу своему неизбежно ведет к убийству.

—Л. Толстой.

***

Всякий неработающий человек негодяй. И потому хорошо всякому человеку уметь работать. Это нужно бедному для того, чтобы кормиться, а богатому для того, чтобы не чувствовать себя всегда виноватым.

—Руссо.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ

(Что она обнаружила в Америке)

Как во время первой мировой войны, так и во вторую войну в США был введен закон об обязательной воинской повинности для лиц мужского пола определенного возраста. Такой закон действует и ныне из-за войны в Корее, в которой США с июня 1950 г. принимают непосредственное участие. Война требует человеческих жертв. А так как добровольцев для такого рода "игры" всегда недостаточно, то правительства применяют обязательную воинскую повинность.

Почти во всех странах Европы такая повинность существует постоянно, т. е. не только во время войны, но и в мирное время. В Америке же обязательная воинская повинность вводится лишь во время войны, а в мирное время отменяется, и ряды американской армии заполняются волонтерами. Но сейчас полувоенное время и по закону все молодые люди в возрасте 19-25 лет обязаны явиться в воинские присутствия для регистрации, а затем ожидать очереди, когда их сначала позовут на медицинское освидетельствование, а потом уж на военную службу в тех или иных частях войск. Само собою понятно, что многие юноши стараются избежать, увильнуть от этой неприятной службы, которая может закончиться либо насильственной смертью в боях, либо тяжелыми ранениями. В данном случае нас интересут другая сторона вопроса — результаты медицинского освидетельствования американских юношей.

Согласно опубликованным данным начальника воинских присутствий генерала Луиса Хирши, в начале второй мировой войны **почти половина** освидетельствованных мужчин призывного возраста **браковалась**, так как не соответствовала военным требованиям, которые потом были снижены и которые остаются на том же сниженном уровне и поныне. Несмотря на это, 33% мужчин были признаны неспособными к несению военной службы. По сведениям ген. Хирши, здоровье американских юношей не улучшилось, а ухудшилось. Он представил в нижнюю палату Конгресса докладную записку с диаграмой забракованных 35% военнообязанных.

Данные "Ю. С. Ньюс" от 4-7-52 представляют картину в следующем виде: из каждой тысячи освидетельствованных юношей 644 признаются годными для несения военной службы, а 356 отвергаются: по слабости здоровья — 168, по физическим дефектам — 138, по другим недостаткам — 30, по моральным причинам — 20 человек. Каждая тысяча забракованных состоит из следующих категорий: 160 юношей имеют болезни сердца, 124 — умственное расстройство, 119 — костяные и мускульные болезни, 80 — болезни глаз, 64 — ушные болезни, 54 — грыжа, 50 — астма, 43 — врожденная уродливость, 38 — плохие зубы, 28 — ненормальный рост и вес, 25 — раковые заболевания, 24 — эпилепсия и другие неврологические болезни, 22 — плоские ступни, 21 — болезни кожи, 18 — туберкулез, 7 — диабет, 1 — венерическая болезнь, 122— другие дефекты. Вышеперечисленные болезни относятся к острой форме; если же они носят мягкую форму, то они не считаются препятствием для зачисления в ряды войск.

"Юнайтед Пресс" от 5-10-52 приводит последнюю сводку воинских присутствий. Опубликованные цифры более неприглядны, чем данные ген. Хирши: во время второй мировой войны было призвано к исполнению воинской повинности 17,945,000 человек, из коих после медицинского освидетельствования врачи отвергли 6,419,000 человек (около 36%), несмотря на сниженные военные требования к состоянию здоровья новобранцев. Начиная с августа 1950 г. и кончая сентябрем 1952 г. было призвано 2,700,000 военнообязанных. Из них было забракованы врачами 1,128,000 человек — почти 42%, т. е. на 6% больше, нежели во вторую мировую войну, несмотря на то, что теперь призываются на военную службу более молодые возрасты. За январь-август с. г. было переосвидетельствовано 139,000 отвергнутых, из которых 30% были зачислены в ряды вооруженных сил.

Высокий процент забракованных юношей вызывает тревогу в кругах воинских присутствий. Но тревога эта будет напрасной, если не смотреть в корень вещей. Данные о плохом состоянии здоровья американской молодежи лишь подтверждают тот неоспоримый факт, что она плохо питается, не имеет надлежащего ухода и не получает во-время медицинской помощи. А причиной всему является бедность. Ее создает капитализм (частный и государственный), природа которого отличается алчностью и жестокостью.

Цели капитализма — нажива и эксплоатация народных масс, которые он стремится держать в вечном повиновении. Отсюда вытекает политика заработной платы и "нагрузки" (в странах госкапитализма), преследующая все те же цели: всегда держать трудящихся в полуголодном состоянии, в страхе за грядущий день, в беспрерывных хлопотах и занятности. Таким образом, вместо свободного творчества, на которое способен только вольный человек, капитализм принуждает народные массы к повседневному "добровольному" рабству.

По этой причине ни частный, ни государственный капитализм, который именуется в России то "социализмом," то "коммунизмом," не может создать всеобщего благополучия, наоборот, он стоит серьезным препятствием на пути человеческого прогресса и развития народного благосостояния. Ради получения высоких прибылей и удержания власти над поневоленными руководители капитализма предпочитают уничтожить т.н. "излишки" продуктов — выбросить их в море, сгноить или сжечь, — а бедняк должен выбиваться из сил, работать днем и ночью, чтобы на скудный заработок приобрести хоть маленькую долю необходимых для него и его семьи жизненных продуктов по монопольным ценам. И пока существует капитализм, беднейшие слои населения будут влачить жалкое, полуголодное существование и выращивать хилое потомство.

Ведь каждая мать и отец очень желают видеть своих детей здоровыми и сытыми. Они прилагают все усилия, чтобы накормить их, одеть и обуть, но... как они ни изворачиваются в своем безвыходном положении, они не могут на ничтожный заработок удовлетворить полностью свои минимальные потребности, поэтому вынуждены жить впроголодь и морить детей своих недоеданием, тогда как привилегированные члены капиталистического общества имеют всего в изобилии и пресыщаются в роскоши. Что же им остается делать?

Одни, скрепя сердце, продолжают молчаливо тянуть свою горемычную лямку, другие ропщут, третьи озлобляются против вопиющей несправедливости и пускаются на кражи или грабежи, которые в конце концов заканчиваются для них либо тюрьмой, либо смертью, а четвертые, совершенно изнуренные беспросветной нуждой, отчаявшись и краснея от стыда и унижения, несмело обращаются к власть предержащим за релифом (оказание денежной поддержки). Но думают и доискиваются причин своей бедности очень немногие по сравнению с большинством. И в результате недомыслия почти половина американской молодежи — цвет нации! — страдает разнообразными недугами от скудного питания и дает еще более хилое потомство. И происходит это не в Индии или Китае, а в стране изобилия, в богатой Америке. Следовательно, есть над чем призадуматься и поразмыслить.

Марк Степной.

Дивиденды американских корпораций

По данным министерства торговли, в 1951 г. американские корпорации выплатили своим акционерам 8,053 миллиона долларов дивидендов, на 2% больше чем в 1950 г. Отчет министерства составлен на основании сводок корпораций и охватывает приблизительно две-трети дивидентных выплат, которые увеличились во всех отраслях промышленности, за исключением обрабатывающей, на долю которой выпало 4,665 млн. д., на 3% меньше чем в 1950 г. Нефтяная промышленность увеличила свои дивиденты на 19%, угольная на 16%, газовая и электрическая на 13%, цветных металлов на 12%, железные дороги на 10%, бумажная на 8% и т. д. ("Н. И. Таймс," 16-2-52).

За первые 7 месяцев текущего года, как сообщают те же источники, американские корпорации выплатили своим акционерам 4,375 млн. д. дивидентов против 4,182 млн. долларов за такой же период истекшего 1951 года ("Н. И. Таймс," 19-8-52). Мы опускаем данные по отдельным отраслям промышленности.

В сентябре было распределено 1,158 млн. долларов дивидентов, а за 9 месяцев — 5,764 млн. д. В общем обрабатывающая промышленность повысила дивиденды на 3%, а все другие отрасли — на 5% по сравнению с дивидентами, распределенными за первые 9 месяцев 1951 г. ("А. П.", 13-10-52).

ЖЕРТВЫ ПРОИЗВОДСТВА

Согласно опубликованным статистическим данным, число ранений, полученных на работе в 1951 году, превысило ранения 1950 года, а по сравнению с 1949 г. увеличилось на 12%. Приблизительно 16,000 мужчин и женщин, занятых в промышленности и земледелии, потеряли свои жизни, а два миллиона других получили увечия на производстве в истекшем году ("Н. И. Таймс," 27-8-52).

КОМИНТЕРН И КОМИНФОРМ

После захвата власти в России в ноябре 1917 г. большевики предприняли энергичную кампанию по распространению своего влияния в европейских и американских странах. Пользуясь огромными государственными рессурсами, они разослали во все более-менее значительные страны своих специальных агентов, которые должны были организовать в каждой из них коммунистическое движение. Благодаря их пропаганде, в рабочем и социалистическом движении некоторых стран возникли глубокие расхождения идеологического и политического характера, вызвавшие расколы: левые социалисты перешли к большевикам и организовали т. н. секции или ячейки, которые вошли затем в компартии. Таким образом они достигли своей цели и в начале 1919 г. русская компартия при непосредственном участии Ленина организовала в Москве из образовавшихся компартий в разных странах Коминтерн (Коммунистический Интернационал), в котором она играла доминирующую роль.

Коминтерн был организован с целью ведения более активной ком-пропаганды за границей. Его ближайшими задачами были: усиление ком. движения, подготовка ком. революции и установление т. н. диктатуры пролетариата, т.е. лидеров компартии. В то время вожди большевизма верили, что победоносная ком. революция в одной стране неизбежно вызовет подобные революции в других странах. И фанатично настроенные рядовые коммунисты слепо шли за своими вожаками, которые постоянно твердили: раз в данной стране имеются враждебные классы — буржуазия и пролетариат, — то на этой почве можно вызвать успешную революцию и установить диктатуру.

Однако коммунисты должны были убедиться, что их рассчеты не оправдались: то, что было возможно в России в конце 1917 г., совершенно невозможно в американских и европейских странах. К тому же многие западно-европейские и американские рабочие скоро отвернулись от коммунистов и их лживой пропаганды, ибо они убедились, что большевицкая свобода означает ничем неограниченную свободу диктаторов властвовать над рабочими в интересах компартии. Во время войны, которая грозила полной ликвидацией большевизма, когда народ отказался защищать Сталина и его режим, а полчища Гитлера подкатились к самой Волге, Сталин и его соратники решили переменить тактику и отыграться на патриотических чувствах народа. Они стали взывать к "братьям и сестрам" и прославлять русских военных героев. А чтобы втереть очки Рузвельту, Черчилю и другим лидерам демократических стран, в помощи которых они очень нуждались, решили **оффициально** ликвидировать Коминтерн и этим показать, что у них нет намерения большевизировать другие страны. Но по окончании войны в 1945 г., когда опасность ниспровержения большевизма миновала, когда военные союзники были полны благоволения к руководителям России, что в огромной мере укрепило положение диктатора Сталина и его соратников, они решили возобновить прежнюю политику по расширению сферы своего влияния в оккупированных соседних странах Восточной Европы.

Эта политика направлена к ликвидации независимого рабочего движения и превращения социалистических партий в "монолитную компартию." Она достигается террором, направленным против наиболее влиятельных социалистов, анархистов и других антикоммунистов. Ее цель — привязать оккупированные страны к СССР и сделать их надежным орудием тоталитарной коммунистической диктатуры. Она стремится создать также солидный фундамент для советской империи, поэтому из оккупированных стран вывозятся машины, сырые материалы и продукты с тем рассчетом, чтобы держать их в полной зависимости от правящего Кремля, который значительно расширил свою военную промышленность и увеличил армию и флот. Затем, во второй половине 1947 г. Сталин и его соратники решили открыть официально "новый" Интернационал, который назвали Коминформом.

Как известно, Коминтерн был вызван необходимостью распространения большевизма в интернациональном масштабе, а Коминформ — разрывом между коммунистическим и демократическим миром. Он был оформлен на конференции в Польше, куда по распоряжению Кремля в конце сентября 1947 г. были командированы по два представителя от девяти компартий: СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Италии и Франции.

Главную роль играли, конечно, представители Кремля, привезшие на одобрение вассальных представителей план дальнейшего поведения компартийцев и программу работ для них.

Из всех вассалов только югославский диктатор Тито отказался от беспрекословного выполнения директив Сталина по Коминформу. За это генералиссимус возненавидел строптивца, обозвал его фашистом и пустил в ход все свои излюбленные методы по очернению и скорейшему свержению ослушника, который со своей стороны принял контрмеры по выловлению и ликвидации сталинских агентов в Югославии. Рука Сталина еще не дотягнулась к горлу маршала Тито.

Большевики считают ,что раньше или позже частный капитализм должен будет уступить место коммунизму, т. е. государственному капитализму, ибо между ними не может быть перемиря и содружества, поэтому они усиленно готовятся к новой войне, надеясь выйти из нее победителями. Оставив старую теорию о мировой революции, они верят теперь только в завоевательную силу армией и удержания власти посредством насилия.

Нынешняя стратегия Кремля движется в направлении то пассивной, то активной борьбы. Если соотношение сил неблагоприятно, Кремль ведет "холодную войну." Но как только положение изменяется, он выдвигает "Корею." В общем вся внешняя и внутренняя политика советского правительства в период Коминтерна и во время Коминформа выявила его агрессивный и реакционный характер. Приходится заключить, что свободный мир будет в опасности до тех пор, пока существуют коммунистические и всякие иные диктаторы, стремящиеся к тоталитарному порабощению человечества.

Л. Липоткин.

"Безумие современных войн оправдывается: династическим интересом, национальностью, европейским равновесием, честью. Оправдание войн честью самое странное, потому что нет ни одного народа, который не осквернил бы себя во имя чести всеми преступлениями и постыдными поступками. Нет ни одного, который во имя чести не испытал бы всевозможных унижений. Ежели же и существует честь в народах, то какой же странный способ поддерживать ее войной, т. е. всеми преступлениями, которыми бесчестит себя честный человек: поджигательством, грабежами, убийством?..."

Анатоль Франс.

Новое строительство

По исчислениям министерств — торговли и труда, ассигновки на новое строительство в нынешнем году достигают общей суммы в 32 миллиарда долларов, на 1 млр. больше чем в 1951 г. Из них частные затраты на строительство превысят 21 миллиард, как и в прошлом году, а правительственные затраты достигнут 11 миллиардов, при чем строительство военных и атомной энергии заводов исчисляется в 1,600 млн. д., а на строительство военных установок уйдет не менее 1,900 млн. д. ("Н. И. Таймс," 24-5-52).

За первую половину нынешнего года на разнообразное новое строительство было израсходовано 14,900 млн. д., на 4% больше чем за тот же период 1951 г.: частные предприятия затратили 10 миллиардов, на 4% меньше нежели в предыдущем году, а правительство — 4,900 млн. д. на 25% больше. ("Н. И. Таймс," 3-7-52).

Запасы военных материалов

По данным Амуниционной Комиссии, к 1 июля 1952 г. США накопили на 3,565 млн. д. военно-стратегических материалов, заказав новых материалов на 2 миллиарда долларов. По планам накопление будет доведено почти до 8 миллиардов (7,753 млн.). За первые 6 месяцев текущего года было запасено таких материалов на 480 млн. д. против 357 млн. за предыдущие 6 месяцев.

Согласно опубликованным данным министерства обороны, на 1 июля с. г. его обязательства достигли 61,900 млн. д. Заказы на вооружение составляют 44,900 млн. д.: по военному ведомству — 16,400 млн. ,по морскому — 11,600 млн. и по министерству авиации — 16,900 млн. д. В эти суммы включены: строительство, экипировка вооруженных сил и их снабжение. Сюда входят контракты на военные заказы, отданные частным поставщикам, и заказы, выполняемые на правительственных верфях и арсеналах. В общем заказов отдано на поставку "твердых товаров" (военные суда, самолеты, танки, оружие и амуниция) на 38 миллиардов, "мягких товаров" (нефть, газолин, масла, обмундирование) на 4,200 млн. и на строительство — 2,700 млн. д. ("Н. И. Таймс," 19-8-52).

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ."

СОВЕТСКАЯ ТОРГОВЛЯ

I

Опишу торговлю в СССР не с точки зрения экономиста с сухими цифрами и выкладками, а с точки зрения рядового советского гражданина, пользующегося из года в год "благами" советской торговли и на собственной шкуре испытавшего, что значит очередь, "дают," "достал."

В повоенные годы я не раз спрашивал себя: может быть там стало лучше, больше товаров, больше порядков в торговле? Увы, нет! Я читаю, насколько позволяют наши условия, все, что касается Сов. Союза: статьи и рассказы новых и новейших эмигрантов, отчеты иностранных делегатов о жизни в СССР, читаю совгазеты и журналы, слушаю московское радио, делаю выписки, вырезки и могу сказать, что "там" та же плановая бесплановость и забвение насущных интересов населения, что была и до войны. Из собранных мною материалов видно, что в Сов. Союзе невозможно сшить костюм без "блата," отдать белье в прачешную, что "там" нет иголок, ниток, пуговиц, мебели, запасных частей к велосипедам, радио, фото; нет хомутов, телег, колес и прочее, даже нет хороших детских игрушек. Попрежнему жены офицеров, приезжающие в восточную Германию, как и в дни "присоединения" Бессарабии и Прибалтики, скупают все, начиная с галантерии и блузок и кончая иголками, эмалированными горшками и батарейками для электрического фонаря.

Торговля продуктами питания после голода 1946-47 гг. и "укрупнения" колхозов за последние годы, подорвавшим колхозную и "единоличную" торговлю, стала еще в худшем положении, нежели торговля "ширпотребом." О снижении цен "пятым по счету," как горделиво заявляют большевики, я не буду касаться, т. к. это очередной блоф: все равно с 1 апреля 1952 г. кило черного хлеба стоит еще 1 рубль 50 к., т. е. в два раза дороже, чем до войны. Итак, если "там" все попрежнему и даже много хуже, то стоит напомнить, как снабжался рядовой советский гражданин "развернутой" советской торговлей.

Как в довоенные годы, так и теперь городской житель имеет три канала снабжения. **Первый** канал — так называемые торговые столики, расставленные на базарных площадях прямо под открытым небом. С этих столиков сов. гражданин может купить зелень, картофель, яйца, иногда рыбу. Торговцы таких столиков (отдельные колхозники или индивидуалы) имеют мизерное количество товара: несколько пучков луку, 5-6 кило картофеля, решето щавеля, разложенного на кучки, 1-2 десятка яиц и пр. Этот вид торговли, хотя и самый дорогой, однако больше всего снабжающий население СССР. Он не устойчив: сегодня на столах есть зелень и другие продукты, а завтра почти ничего нет и каждая картофелина или пучек луку берутся с боя, но все же это самый гибкий вид торговли в Сов. Союзе. Как на курьез укажу, что весы монополизированы государством — их имеет лишь управление рынком. Торговцы должны за плату (доход государству) брать весы у управления рынком для своего скудного товара. Но часто торговец носит безмен и при помощи его распродает свой товар без государственных весов и излишнего обложения; а т. к. "там" любой товар рвут из рук, то это им часто удается. **Второй** канал — это колхозная торговля из ларьков. Многие пригородные колхозы имеют постоянные ларьки, арендуемые у управления рынком, дальние колхозы арендуют ларьки на 1-2 дня по потребности. Торгуют эти ларьки зеленью, помидорами, яйцами и проч. Товар раскупается во мгновение ока, т. к. он дешевле, чем на столиках: например, картофель на столиках — 4 рубля за кило, в колхозных же ларьках он стоит 1.5—2 рубля. На базаре, обычно в крытых помещениях, продается молоко и молочные продукты теми же колхозниками или индивидуалами по цене много выше государственной. В крытых помещениях продается мясо, привозимое колхозами, но продаваемое специальными торговцами от управления рынком. **Третьим** каналом по продаже продуктов питания является государственная торговля, монополизировавшая торговлю хлебом, мукой, мучными изделиями, крупой, сахаром и проч. Торговля эта поставлена из рук вон плохо: всегда и всюду очереди, нехватки; при малейшей заминке с доставкой или по другим причинам—пересчеты граждан на хлебную очередь по номерам с вечера, под утро и при открытии магазинов. Каждое кило хлеба, полученное из сов. магазина, омыто слезами, сдобрено горем и частыми болезнями. Иногда очередей и пересчетов не бывает, но это букваль-

но считанные недели за первые пятилетки. Существуют государственные овощные и молочные магазины, но купить в них почти никогда не возможно, т. к. они превращены в базы снабжения больниц, столовых и других казенных учреждений. Цены в них не высокие.

Для полноты картины нарисую один день советской женщины-хозяйки, которая не работает на фабрике, а исключительно занимается "снабжением" семьи и домашними делами. Опытная хозяйка перед отправкой на базар обязательно возьмет с собой сумку, пару мешечков, сеточку—"авоську," пару бутылок и т. д. Прежде всего она забежит в хлебную очередь узнать, как далеко ее очередь; если близка, она выстоит 1-2 часа. Чаще же она стоит 3-4 часа, но в описываемое утро она благополучно получила хлеб к 8 ч. утра и немедленно побежала на базар. В первую очередь хозяйка заглянула в государственные магазины: не дают ли там чего? Случается, что там "дают" лук или редиску навалом с ботвой на килограммы — это уже "счастье," т. к. в 5-6 раз дешевле, чем на столиках. Если нет ничего в государственных магазинах, наша хозяйка спешит к колхозным ларькам и по дороге присоединяется к своеобразной процессии: едет подвода с мешками картофеля, который будут продавать в ларьке колхоза "Путь к социализму." Процессия подбегает к ларьку, у которого уже стоит толпа: свалка, ругань, крики, наконец, кое-как встают в видимый порядок и колхоз начинает продажу. Постояв 1-2 часа, хозяйка наша "достала" 3 кило картофеля (больше в одни руки "не давали"). Уже усталая, она торопится к мясному корпусу. Система продажи мяса — это очередная советская казнь. В мясном корпусе обычно с десяток ларьков с закрытыми ставнями и продажей на улицу. Отркывается 2-3 ларька не больше, но никто не знает, какие именно ларьки откроются. Внутрь корпуса не пускают, там слышны лишь удары топора — разрубают мясо. Толпы бродят около корпуса, готовые броситься к тому ларьку, который откроется. И когда откроются 1-2 ларька — та же давка, клубок тел, ругань. Наша хозяйка подошла к "мясу" тогда, когда около ларька кишело месиво, нисколько не походившее на очередь. Заметив себе, что сегодня мяса не достать, хозяйка прикидывает в уме возможность вегетарианского обеда и спешит к спасительным столикам прикупить зелени; затем, возвращаясь уже домой, она увидела, что в ларьке колхоза им. Буденного что-то привезли: оказалось — бидон хлопкового масла. Постояв около часу, т.к. хорошо удалось занять очередь, наша хозяйка получила в предусмотрительно захваченные бутылки 1 литр масла.

Домой идет она усталая, голодная, измученная: ноги гудят и как будто налиты свинцом, а время — уже полдень. Наскоро съев кусок хлеба, она начинает варить обед на примусе. В 3 часа дня снова бежит в очередь, на этот раз в "керосиновую." Потом стирает, вечером "занимает" хлебную очередь и получает номер, и так каждый день, как белка в колесе. Но очень часто она возвращается с базара пустая: то товару нехватило, то его вообще не было. Таков обычный день советской женщины в проблеме питания и обеспечения семьи. Но он много тяжелее у той женщины, которая работает и несет еще страшное бремя "снабжения" семьи в советских условиях. С полным правом можно сказать, что женщина в СССР страдалица и такая страдалица, какой не знает ни одна страна в мире: и голодно ей от "планового снабжения" и холодно от чуждого ей "сталинского солнца."

II

Не лучше, а много хуже обстоит дело со снабжением советского населения промышленными товарами т.н. ширпотреба (широкого потребления). Эта отрасль торговли имеет также три канала: первый канал — толкучка-базар, торговля с рук, с земли — явная и из-под полы; второй канал "кооперативная" и государственная торговля; третий канал — нелегальный блат, т. е. снабжение по знакомству, с черного хода.

Толкучка, как и торговля со столиков продуктами, снабжает население по ценам черного рынка эффективнее, чем вся кооперативная и государственная торговля вместе взятые. Особенно велики толкучки по воскресеньям: тысячи людей толкаются среди торговцев с рук или торгующих с разложенных мешков-ковриков. На толкучке можно купить ношеную и новую одежду, нитки, отрезы на костюмы, гвозди (десятками), замки, тетради, блокноты, самодельные новые и старые табуреты и многое другое. Но все это в небольшом количестве: многие торговцы весь свой товар умещают в рукаве пиджака — 3-4 катушки ниток или 4-5 тетрадей. Советская власть закрывает глаза на этот абсолютно ненормальный вид торговли, который однако с успехом дополняет громоздкий и неповоротливый аппарат государственной торговли.

Во всевозможных госторгах и райторгах по существу ничего нет. Такая же картина и в специализированных "кооперативах" для железнодорожников, водников, рыбаков и проч. Советские "кооперативы" — та же госторговля, но с другим названием. Товар в них поступает неравномерно и в мизерном количестве, при чем три-четверти его идет по блату (по знакомству) часто на ту же толкучку, а оставшаяся четверть берется штурмом после длительного стояния в очередях и нарасхват. Что бы ни было: мануфактура, галантерея, стаканы, белье, стулья, платья — все расхватывается моментально. За 10 лет моего проживания в большом городе, имеющем свыше ста тысяч жителей, только **один раз (и в один магазин только)** привезли эмалированную посуду и оцинкованные ведра. Еслибы жив был Данте, то происшедшее побоище около магазина он наверное изобразил бы последней ступенью ада. А между тем это был один из видов самой "культурной" советской торговли: тысячная толпа (никакого подобия очереди уже не было), десятки милиционеров, кареты скорой помощи, высаженные двери и окна, разрушенные прилавки, **десятки увечных, шум и рев толпы...** Все остальное время граждане довольствовались "местной продукцией": котелками и кружками, сделанными из обрезков жести, а перед самой войной ассортимент этот пополнялся алюминиевыми казанками, сделанными грубо и топорно, но и эта продукция расхватывалась моментально. Одеял в магазины не присылали по нескольку лет. Запасных частей к швейным машинам, велосипедам, радио, фото-аппаратам не было. Ложки, ножи, вилки и предметы кухонного оборудования никто никогда не видел. За радиоаппаратами охотились месяцами, т. к. привозили их по 5-6 штук в 2-3 месяца.

У советских людей в связи с такой торговлей выработался особый нюх — умение распознавать, где "дают." Идет, к примеру, советский гражданин с работы и зорко смотрит на публику и магазины: по какой-то интуиции он угадывает, что где-то будут что-то "давать." И, действительно, часто публику с тротуаров каким-то неуловимым движением всасывает в какой-нибудь магазин — значит, "дают." "Всасывало" и меня: то за нитками, то за шнурками к ботинкам. Иной раз бежишь домой после часового стояния в очереди и рад, что пару катушек ниток "отхватил."

Торговля одеждой особенно плохо поставлена в СССР. Поэтому не удивительно, что советские граждане плохо одеты — нищенски. Старые заслуженные профессора института, где я учился, одеты были в жалкие выцветшие, порыжевшие пальто, в каких здесь, в Европе, не ходит ни один рабочий. Пожилые учителя донашивали позеленевшие от старости пальто и костюмы, а учительницы носили шляпки "времен Очакова и покорения Крыма." Молодые учителя "щеголяли" на уроках в выцветших "майках" (спортивных трикотажных рубахах) или же в безрукавках. Обувь была такая же плохая, начиная с тряпичных тапочек и кончая дореволюционными штиблетами с резинкой.

Чтобы заказать себе костюм, нужно было терпение, время и знакомство. Месяцами надо было ходить во швейкромы и получать один и тот же стереотипный ответ: "Материала нет." А когда приходил материал, нужно было выстоять сумасшедшую очередь, иногда 3-4 дня с неизбежными пересчетами и инцидентами. И если, на ваше счастье, вы достоялись до материала и приемщика, то хорош материал или нет, идет ли он вам или нет, — заказывайте без промедления, т.к. другого случая надо ждать годами.

Какую бы отрасль советской торговли ни взять, везде одно и то же: нет зубных щеток, красок, лопат, гвоздей, машин, одежды, обуви, мебели; везде нужно месяцами следить, когда привезут, а прозевал, — снова поиски месяцами, а иногда годами. Такова советская торговля. Это что-то невыразимое; какое количество труда и времени затрачивает советский потребитель, чтобы купить нужную ему вещь за свои трудовые деньги. Сколько миллиардов часов вместо полезного труда или отдыха теряется в очередях и беготне, сколько здоровья оставляется в этих же очередях и сколько людей идет после них на врачебные бюллетени! И, наконец, сколько до абсурда доведенной бесплановости в этой т. н. плановой торговле!..

Вместо нормальной, проверенной веками, торговли, когда покупатель тратит минимум времени и получает за свои деньги максимум удовлетворения от приобретения хорошей и полезной вещи, советское государство изобрело невиданную в истории систему дикой "социалистической торговли," не считающейся ни с человеком, ни с его потребностями; главным спутником и единственным достижением ее является такая же дикая и уродливая очередь и отсутствие товаров.

Федор Герасимов.

ВЕСТИ ИЗ ФЛОРИДЫ

Идет уже седьмая неделя, как братья Данилюки и ВИД приехали во Флориду, чтобы привести в порядок жилища и поместье для приема гостей на зиму.

Прежде всего взялись за огород: вскопали землю, увеличили площадь огорода и посеяли разнообразные овощи. Луком и редиской уже пользуемся и ожидаем, когда 72-летний Сэма Д. попотчует нас чем-либо другим из огорода, который он взял в свое полное ведение.

Скосили и сожгли бурьян между цитрусовыми деревцами, полили их несколько раз водой, и они повеселели; а в последнее время подкинули еще и химического удобрения по совету сведущих людей.

Срезали с дюжину коренастых дубов на площади между домами № 2 и № 3, посеяли траву вокруг дома № 2 и проектируем посеять другой сорт травы около домов № 3 и № 4 (общежитие). Очень отрадно видеть сочную зелень после серого бурьяна и желтого песку.

В ожидании контракта от железной дороги на устройство переезда через ее полотно к большому озеру (более 650 акров), где будет устроен купальный пляж и пристань для лодок, мы начали мостить подход к меньшему озеру, но по недостатку здоровых людей для нагрузки песку и укладки бревен, — насыпь подвигается медленно. Планируем начать разборку одного барака с целью употребить материалы на починку театра. Среди нас имеется только один трудоспособный плотник, а посему придется нанять хотя бы одного здорового чернорабочего на помощь.

До сего времени готовили пищу сами, но вот уже пятый день, как подыскали женщину, которая взяла на себя обязанности вести кухонное дело. Пока все мы очень довольны ее блюдами, но откуда взять средства? Перед нами все время стоит назойливый вопрос: откуда явятся средства на дальнейшее благоустройство фермы?

Решение пайщиков сделать заем в банке от 5 до 10 тысяч едва ли разрешит вопрос, ибо заем может быть дан на срок не более трех лет с условием платежей: 6% и части капитальной суммы каждые 6 месяцев. Узнав условия, мы решили не влезать в коммерческие долги, ибо, не имея определенного дохода, можно повредить делу. Обратимся еще с призывом о помощи к нашим друзьям и будем продолжать работать своими силами.

Беда лишь в том, что многие из нашей среды не видят той глубокой и важной роли, которая предстоит этой желательной кооперативной ферме в нашем свободническом движении. Они не желают видеть того, что Лайв Оак Фарма может быть местом отдыха и труда, рассадником наших идей свободной и мирной жизни, что только подобное место может дать нам возможность применения на практике свободного сотрудничества и дружеского сожительства.

Мы не фашисты и не коммунисты русского пошиба, — мы не желаем и не думаем насилием внедрять свой образ жизни, а лишь убеждением и примером. Мы разбрасывались словами, жили надеждами, но когда является возможность претворения слов в дело и осуществления надежд, — мы теряемся, остерегаемся, пугаемся... Для оправдания нерешительности и внедрившегося мещанства — некоторые даже пробуют кидать грязью в отважных и бескорыстных пионеров новой жизни.

Мы задыхаемся в обществе, в котором уживаются бок о бок нищета большинства с роскошью горсти людей, тяжелый изнурительный труд многих с тунеядством немногих, где царит постоянный разъедающий душу страх за самое существование; мы осуждаем "порядок," где одни гибнут в расцвете лет от переутомления, нищеты и недоедания, а другие от паразитизма и пресыщения, где нет и не может быть цельных людей, где нет счастливого и где нет радости жизни.

Мы желаем свободы, счастья и мирной жизни для всех. Пусть встанет во весь свой физический, умственный и нравственный рост каждый член будущего свободного общества и гордо скажет: "Человек — это Я!"

Благодаря теплому ровному климату, здесь может быть устроено идеальное пристанище, где многие из нас могли бы отдохнуть на время и запастись физической и моральной энергией на дальнейшую трудовую жизнь; здесь люди могут жить на небольшую пенсию в чистых помещениях и пользоваться свежей пищей, поддерживая свое здоровье и принося пользу обществу посильным и полезным трудом на свежем воздухе и солнце.

Для семейных, желающих жить особо, есть квартиры с кухнями, а для холостяков — общественная столовая и опрятные ком-

наты. Для тех, кто имеют намерение построить свои домики и удовлетворить потребность к обособлению в их частной жизни, отведены участки земли около большого озера и в других местах.

Нам не грозит денежный кризис, но недостаток средств замедлит осуществление намеченных улучшений. Лайв Оак Фарма все еще ценится гораздо более, чем все затраты на нее, судя по спросу и ценам на землю в окрестности. Каждый, покупающий пай, автоматически становится хозяином фермы соответственно его взносу и остается таковым, пока все паи не будут оплачены будущими поселенцами-кооператорами.

Если помощь не явится во-время, чтобы сохранить известный облик и характер намеченного поселения, ферма по необходимости должна будет принять меры к самосохранению, искать поселенцев вне нашего движения и повести предприятие коммерчески для защиты интересов всех верных друзей, которые вложили в этот идеальный и практический проект свои сбережения.

Денежно никто не пострадает, но моральный удар будет нанесен всем, кому, действительно, дороги идеалы свободы.

Отказ от кооперации в этом необходимом нам предприятии покажет, что оно, по вашему мнению, не нужно.

Пока же, мы радостно отдаем свои силы и средства в надежде, что вы присоединитесь к нам и поможете своим советом, трудом и средствами. **Пионеры.**

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

С каждым годом, даже с каждым новым месяцем, иногда неделей, все реже становятся ряды старой русской колонии в Америке, ряды тех русских эмигрантов, которые прибыли в Новый Свет до первой мировой войны 1914-18 гг. В огромном большинстве это была экономическая эмиграция, состоявшая главным образом из крестьянской молодежи, широким потоком хлынувшей из юго-западных губерний России в страну Колумба на заработки. Но разразившаяся война, а затем вспыхнувшая революция в России перепутали все несложные планы наших эмигрантов, изменили общее положение дел и вызвали в них новые насторения, упования и надежды, которым не суждено было сбыться. Очень многие, страстно рвавшиеся на родину и мечтавшие о скором возвращении домой, поневоле осели в Америке, где они обрели дом и где находят вечный покой. К таким старым эмигрантам принадлежали два товарища — МАКСИМ ЯКОВЛЕВИЧ ВОРОНОВИЧ и ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОНЧЕНКО, — о скоропостижной смерти которых меня известил товарищ Б. К глубокому сожалению, болезнь и дальность расстояния не позволили мне присутствовать на их похоронах, чтобы воздать последний долг ушедшим в небытие друзьям и сказать их праху последнее прости.

Точной или полной биографии М. Я. ВОРОНОВИЧА я не знаю. По его рассказам он родился в крестьянской семье Гродненской губернии, приехал в Америку в 1907 году 16-летним юношей. Как и всякий новый эмигрант, он претерпел в Америке много невзгод и лишений, странствуя по городам и весям Америки в поисках неуловимого счастья. Некоторое время он работал моряком каботажного плавания, но большую часть своей жизни и сил он отдал работе на фабриках и заводах. После продолжительных скитаний он обосновался на постоянное жительство в г. Ансонии в штате Коннектикут, где он купил небольшую ферму, на которой прожил со своей семьей несколько лет и вырастил детей. Так как ферма не давала достаточно дохода, чтобы прокормить семью, то М. Я. почти все время работал на медном заводе, а его жена вела хозяйство. Приблизительно к этому времени относится мое знакомство с ним, которое перешло затем в товарищескую дружбу.

Интересы М. Я. Вороновича не ограничивались одной только личной или семейной жизнью: он всегда принимал участие в организации, т. е. в делах общественных. Своих маленьких детей он научил русскому языку и они выступали на организационных вечерах с забавными декламациями. Когда в Нью Хэйвене шла борьба с засильем большевизма, М. Я. много способствовал организации 44 отдела РООВА в противовес отделу ИРО, в котором орудовали сталинцы.

По своей натуре М. Я. Воронович был добр и отзывчив, на деньги никогда не скупился и, когда имел их в кармане, почти разбрасывал их, так как считал деньги злом, порождающим алчность и преступления. Он всегда откликался на общественные нужды и помогал людям, очутившимся в беде.

Мне вспоминается характерный эпизод: один наш общий приятель, бывший телеграфист П. И. Казимиров, страдавший алкоголизмом, попал по своему легкомыслию и глупости в дом умалишенных, откуда возвращение на волю почти невозможно, если некому заступиться. Он стал писать нам письма, прося вырвать его из ада. Пришлось съездить несколько раз в это, действительно, жуткое учреждение, где пребывают психически ненормальные люди, являющие собою печальное зрелище. Наши ходатайства и переговоры с врачем закончились в последнюю поездку, к нашей общей радости, освобождением Казимирова из дома сумасшедших под поручительство М. Я. Вороновича, который принял его в свою семью, как родного, и оказывал ему помощь до тех пор, пока Казимиров не нашел себе работу.

Максим Яковлевич любил жизнь и общество. Он принимал участие в борьбе за свободу и справедливость, откликался на все хорошие начинания общественного порядка, был участлив к чужому горю, никому не отказывал в помощи и верил в лучшее будущее человечества. Его крепкое, богатырское здоровье начало падать после того, как он свалился с крыши на строительстве и получил сильные ушибы. Умер он 9 марта 1952 г. в Милфордском госпитале, куда он был перевезен с фермы в Ансонии своим зятем. Мир праху твоему, дорогой товарищ!..

**
*

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОНЧЕНКО родился 2 июля 1894 года в с. Казаровке, Каневского уезда, Киевской губ. Со своим отцом приехал в Америку в 1910 году. Подобно другим эмигрантам, он испытал много трудностей, прошел суровую школу жизни, выполняя разные работы в американской индустрии. После первых лет скитаний по разным городам Америки семья Донченко обосновалась сперва в Ансонии на постоянное жительство, а затем в Нью Хэйвене в штате Коннектикут.

Познакомился я с В. А. Донченко в 1915 или 1916 году в г. Ансонии. В то время независимые русские организации были очень редки и функционировали они лишь в крупных городах. Правда, там, где были русские церкви, существовали церковные братства под руководством священников, но мирскими делами они не интересовались, а только церковными сборами на "богоугодные дела" и никакой культурной работы не проводили. Поэтому русскую молодежь совершенно не интересовали церковные братства, хотя многие юноши и девушки ходили по воскресеньям в церковь или, вернее, "под церковь," чтобы других повидать и себя показать, т. е. завести новые знакомства.

Русская молодежь хотела живого дела, в котором она могла бы проявить свою энергию, активность, но этого живого дела не было. По этой причине очень многие проводили время за картами или в бильярдных, в салунах и частых драках. В общем тогдашние нравы были дикие, полицейские суды процветали и городские кассы пополнялись частыми штрафами русских эмигрантов-драчунов. Нужна была большая работа по оздоровлению примитивного и жалкого существования русских эмигрантов и поднятию их культурного уровня. Об этой неприглядной действительности и будничной монотонной серости и нудности русской эмигрантской жизни мы часто говорили при встречах с В. А. Донченко. В конце концов мы решили приступить к работе и организовали в Ансонии Кружок Русской Молодежи в составе около 10 человек, из коих 2-3 были активистами, заразившими своим энтузиазмом других, ставшими впоследствии тоже активными общественными работниками. В этом несомненно была большая заслуга В. А. Донченко.

Кружок Русской Молодежи, занимаясь интелликтуально-духовным саморазвитием, открыл в своем клубе вечернюю Русскую Школу и собственными, хорошо срепетированными силами стал устраивать спектакли, концерты и балы, а также лекции и доклады по разным общественным вопросам. Постепенно культурно-просветительная работа Кружка широко развернулась: ежевечерно в будние дни молодежь собиралась в свое помещение, где происходили то школьные занятия по русскому языку, истории, географии и арифметике, то хоровые и музыкальные репетиции, то разучивание намеченных к постановке пьес, а по субботам устраивались либо спектакли, либо вечеринки с концертными программами и танцами; в праздничные или воскресные дни — деловые собрания и лекции или доклады. В общем, в течение короткого периода времени Кружок стал культурным центром Ансонии и пользовался большой популярностью, которой способствовал В. А. Донченко.

Вследствие большого роста Кружка Русской Молодежи, его переименовали в общество "Луч," которое продолжало все ту же культурно-просветительную работу на бла-

го русской колонии и привлекло в свои ряды изрядное количество членов. Это было начало пробуждения русской массы: из частых бесед и лекций по социальным вопросам многие поняли, что можно жить более осмысленной, разумной и возвышенной жизнью, чем толкаться по бильярдным и кабакам, заливать скуку вином и бить головы друг другу. Именно к этому светлому периоду преображения русских людей, которое в значительной доле было вызвано Русской Революцией 1917 года, относятся мои воспоминания об ушедших в иной мир товарищах, с которыми мне довелось жить и работать на общественной ниве.

В. А. Донченко был человеком веселого нрава, он страстно любил музыку и пение. Эти артистические наклонности преобладали над всеми другими отличительными чертами его характера: он был артист по природе и к нему льнули индивидуумы с такими же артистическими задатками. Из них-то и составлялись хоры, драматические кружки и струнные оркестры, душой которых всегда был В. А. Обладал он и даром слова и выступал с занимательными докладами и прочувствованными речами на общественных собраниях. Отличался он искренностью, отзывчивостью и большим хлебосольством.

Был В. А. и неутомимым общественным работником, хотя наибольшую активность он проявлял в молодые годы — в Кружк Русской Молодежи и обществе "Луч," которое, кажется, в 1919 году, — когда началась консолидация сил и разделение русской колонии на сторонников свободного общества и вольных соглашений и на сторонников или последователей авторитарного большевизма, — было переименовано в Союз Русских Рабочих. Во время Палмеровских погромов, начавшихся в ноябре 1919 года, В. А. был арестован и брошен в тюрьму, как и тысячи других выходцев из России. Он был приговорен к депортации, которая однако не была осуществлена.

Вскоре после освобождения из тюрьмы В. А. по семейным обстоятельствам переехал на жительство в Нью Хэйвен, где также принимал активное участие в общественной работе: попрежнему выступал на русских вечерах, с речами на собраниях, продолжал играть на гитаре, мандолине и балалайке и петь. Вместе с тем он всегда оставался верен своим убеждениям и отстаивал свободу и справедливость для всех.

Накануне своей смерти В. А. Донченко присутствовал на похоронах товарища М. Я. Вороновича и выступил с речью у его раскрытой могилы, а на другой день, т. е. в четверг, 13 марта 1952 г., сам умер от разрыва сердца в Нью-Хэйвенском госпитале, куда он сам приехал, почувствовав себя плохо. Похоронен он на деревенском кладбище в Орэндж, пригород Нью Хэйвена, где он жил в последние годы со своей семьей. Так закончилась жизнь еще одного из мечтателей эпохи Русской Революции. Да будет легка тебе, дорогой товарищ, земля Нового Света.

К. Г. Земляк.

ДОКТОР ГЕРМАН ФРАНК

10 августа 1952 г. в Нью Иорке умер от разрыва сердца известный журналист и лектор Герман Франк. Родился он в 1893 г. в Белостоке, где в 1910 г. окончил коммерческое училище с золотой медалью. После этого он учился в Киевском университете, который кончил в 1915 г. В это время он принимал активное участие в студенческом движении.

Общее плохое положение России, порожденное войной и революцией, заставило Франка эмигрировать заграницу. Приехав в Германию, он с 1920 до 1923 г. учился в Берлинском университете. Здесь же он получил звание доктора за свою научную диссертацию на социально-экономическую тему. В конце 1923 г. он приехал в Нью Иорк и в течение нескольких лет сотрудничал во многих радикальных еврейских и русских журналах и газетах, а с 1940 до 1951 г. редактировал старейшую анархическую газету на еврейском языке "Фрайе Арбетер Штиме" и неоднократно выступал во многих крупных городах Соед. Штатов и Канады с лекциями на социально-политические и литературные темы.

По своим убеждениям Г. Франк был анархо-социалистом, т. е. сторонником того течения в анархизме, которое отрицательно относится к парламентаризму и признает непосредственную борьбу трудового народа за полное достижение социализма. В своих многочисленных статьях и лекциях он ясно развивал идеи этого течения, всегда указывая на то, что настоящим социалистом можно быть только — будучи анархистом.

Др. Герман Франк — автор нескольких книг, трактующих социально-экономические и исторические проблемы с анархической точки зрения.

Л. Л.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

МЮНХЕН, Германия. — Уважаемые друзья, читая журнал "ДТП," я заинтересовался статьей "Вести из Флориды." Свободная жизнь молодой общины представляет большой интерес и, я думаю, дает лучшую выгоду для каждого ее учасника, чем советский колхоз, где крестьяне работают на положении батраков. Я, например, работал девять месяцев в колхозе и должен сказать, что еслибы труд в колхозах был организован на добровольных началах и продукты труда колхозников шли на удовлетворение их нужд, то Россия стала бы самой могущественной страной в мире — в экономическом, техническом и политическом отношении. Но советское государство похищает продукты труда крестьян и рабочих, которым бросает ничтожные крохи. Мне 54 года, здоровье мое надорвано, но оправдать себя еще могу на любой полевой работе, а также на работе в лесу или по плотничеству. Еслибы пионеры Флоридской колонии приняли меня с ребенком и оплатили проезд, я мог бы быть постоянным спутником свободной жизни.

Прочитанные мною книги об анархическом свободном обществе совершенно изменили мой взгляд на жизнь. Я прочитал также книгу Томаса Пэйна "Век Разума," которую взял для чтения другой человек, затем — третий и ожидает ее — четвертый. Хорошими книгами люди очень интересуются.

И. Лушин.

Дорогой товарищ, я получил журнал "ДТП," который является светочем в жизни. К нему тянется все живое в данный тревожный момент обнагления мировой реакции, которую поддерживают все политические партии. Требуется мужество честных людей указывать обманутому миру правильный путь к выходу из векового рабства, в котором держат трудящихся угнетатели-эксплоататоры.

И. П.

АВСТРАЛИЯ. — Уважаемый редактор "ДТП"! Мне случайно пришлось прочесть ваш журнал, который, действительно, стоит на страже интересов трудящихся. Он против всякой власти, только за народ, разоблачая диктаторов и властелинов всех мастей. Он дает правильную оценку конфликта между Востоком и Западом и точно определяет место и роль рабочего класса в будущей империалистической войне.

Ваш журнал служит прожектором, освещающим путь к освобождению трудящихся всего мира. Свыше года, как я нахожусь в Австралии. Один год работал при лагере, который закрыли, и сейчас не могу получить работу. Здесь экономический кризис и найти работу очень трудно. Цены на все поднялись, особенно на предметы первой необходимости. Всякий работающий эмигрант должен платить за квартиру и стол 40% своей заработной платы, затем идут налоги, расходы на проезд с работы и на работу, а потом особая плата за содержание в лагере жены и детей. В результате — остаются гроши на табак. Все это происходит в стране, где на один квадратный киломерт приходится один человек и пасется 112 миллионов овец. У нас нет выбора, жизнь диктует нам свои законы и указывает путь. Приближается час, когда загорятся скирды хлеба и мыши, поедающие его. Прошу прислать старые номера. **К. Виткович.**

ДАХАУ, Германия. — Дорогие друзья, я получил ваш журнал "ДТП" (№ 37) с опозданием, потому что приходится жить кочевой жизнью. При Гитлере в этом городе был концентрационный лагерь, известный всему миру страшными преступлениями против человечества: в нем погибли миллионы людей, которых расстреливали, вешали или сжигали в крематорных печах. Много погибло здесь русских, но еще больше евреев. Я познакомился с одним русским, который пробыл в этом лагере 4 года. Он рассказал мне, как нацисты издевались над людьми: обреченным они не давали есть, снимали кожу с живота человека, отравляли газами, а потом тела отравленных бросали в печи, как дрова, и сжигали. Фотографии крематорных печей вышлю вам в другом письме. А теперь прошу вас вышлите мне вашу литературу, которой интересуются очень многие.

И. А. М-ко.

НЮРЕНБЕРГ, Германия. — Уважаемые друзья, примите сердечный привет и разрешите выразить вам мою искреннюю благодарность за присылку журнала "ДТП." Я нахожусь ныне в новом лагере. Русских здесь много. Мы организовали комитет с целью создать библиотеку. Просим вас принять это во внимание и присылать нам регулярно ваш журнал, а также литературу. Наперед благодарим вас и просим не оставить нашу просьбу. Мы не имеем средств на оплату. **И. Ф. Б-лов.**

ОСЛО, Норвегия. — Дорогие друзья, желаю вам большой плодотворной работы и шлю вам сердечное спасибо за присланную книгу Неттлау "Очерки по истории анархических идей," которая очень много дает для мышления, особенно по вопросам социологии. Желательно получить труды Г. П. Максимова, если таковые вышли в свет. С нетерпением ожидаю очередного номера "ДТП." Жизнь здесь проходит в мрачном состоянии: не с кем поделиться живым словом на родном языке, находясь среди всего чужого. **С. С-кий.**

ПАРИЖ, Франция. — Прочла № 38 и 39 "ДТП," в которых напечатан ряд прекрасно написанных и глубоких по содержанию статей. Меня больше всего захватила статья Автономова о Вольтерине де Клэйр: как живая, встает она передо мною, как-то особенно близка, понятна и дорога. Впервые из "ДТП" узнаю о ней. За цитаты из ее статей — сердечное спасибо автору. Радует сотрудничество в журнале Ольги Кайдановой, автора очень ценной работы о народном образовании в России и СССР. Статья Байкалова нуждается в примечании: смелое выступление французских анархистов "ни за Трумана, ни за Сталина" сделано **не в парламенте, где их нет,** а в печати и на митингах. Об одном таком митинге, к которому анархисты привлекли 37 других организаций, постараюсь написать, если силы позволят.

Отрадно читать список жертвующих трудовые гроши на издание "ДТП," но грустно, что № 39 уменьшен количеством страниц. Но светлее стало, когда среди писем читателей, поступающих со всего света, раздаются голоса, что люди рождаются с идеями анархизма и что народ прислушивается и считает идеи анархизма своими, а молодежь просит литературу по анархизму.

Горячо приветствую издание трудов Максимова. Моральный долг каждого из его современников сказать все, что нам известно о нем. Для будущих поколений Максимов должен предстать не только,

как мыслитель и талантливый журналист, но и как личность в своей душевной красоте. **А. Ш.**

ЭРЕБАНГО, Бразилия. — Дорогой товарищ, книга Неттлау "Очерки по истории анархических идей" очень интересна, редкая книга. Не менее ценны книги Гильома, Эльцбахера, Пато и Пуже. Жаль только, что русскому эмигранту, живущему в Бразилии, не возможно выписать эти книги из США из-за высокого курса доллара. Я глубоко благодарен вам и другим товарищам за присылку книг. Интересно было бы знать, как идут дела на ферме Кооперативного Общества. **И. Ильченко.**

ЛОНДОН, Англия. — Уведомляю вас, что в настоящее время я нахожусь в Англии, покончив с безрадостным положением ди-пи в Германии (Ладе, Бломберг, Августдорф), куда вы посылали мне ваш интересный журнал "ДТП." Благодарю вас за вашу любезность, радушие и внимание. Я часто вспоминаю прямоту, смелость и правдивость, с которыми ваш журнал освещает многие животрепещущие вопросы нашей жизни. Наилучшие вам пожелания. **В. Полозов.**

ПЕРРИ СИДИНГ, Канада. — Дорогой друг Черный, я не знаю вас, но думаю, что вы любите свободу, как и я люблю ее, поэтому наша цель одна, хотя пути наши разные. Я получил от вас книгу об анархии и анархистах, за которую сердечно благодарю вас. Я все собирался написать вам, но по семейным обстоятельствам не было времени, а теперь, после переезда в другой город в поисках работы, решил ответить вам горячей благодарностью.

Дорогой друг! Долго ли мы будем блуждать еще во власти насилия и обретем ли мы когда-нибудь нашую милую свободу? Что-то не верится, что она существует в современном порочном мире, но зато весьма реальны бомбы, штыки, пулеметы и всякие другие виды насилия и убийства человека человеком. Ложь, обман и коварство не выходят из голов сильных мира сего. И за все это мракобесие бедному люду приходится рассчитываться, болеть душой, мучиться телом. Ужасный мир!..

Долгий путь прошли наши предки по тюрьмам, ссылкам, в цепях и лишении прав на жизнь, которую даровала природа для всех одинаково, но почему-то одни влачат жалкое существование, имеют горемычную долю, а другие обладают сверхпривилегиями и ненасытной жадностью властвовать над себе подобными. Подумаешь, сколько пало дорогих героев-освободителей человечества от мракобесия, насилия и рабства, а варвары еще сильны, еще во власти. И невольно скажешь себе: на огонь дров не наготовишься. Падают духовные силы, замирает шаг... **И. Сысоев.**

ХЭМИЛТОН, Канада. — Уважаемые товарищи, я остался в долгу за получаемый мною журнал "ДТП." Зная, что журнал нуждается в финансовой помощи, посылаю в издательский фонд 10 д.
С тов. приветом **П. Якимов.**

ОТТАВА, Канада. — Дорогие делотрудовцы, посылаю вам 2 д. 50 с. за журнал и книги. Я только что начал работать. Когда подработаю, пошлю больше, чтобы помочь издавать журнал регулярно. С тов. приветом **П. П-нев.**

ГРЭНД ФОРКС, Канада. — Уважаемые друзья, посылаю 10 д. на журнал "ДТП" и благодарю вас за книги и аккуратную высылку журнала. Как видите, я оставил Торонто и ныне нахожусь в Брит. Колумбии. Меня заинтересовала жизнь духоборцев, их принципы и общечеловеческие понятия.
С товарищеским приветом **Т. Базилов.**

ЛОС-АНДЖЕЛЕС, Калифорния. — С вашим журналом "ДТП" я познакомился случайно, находясь в одном из лагерей ди-пи в Германии. В прошлом году прибыл в Америку, но в этом городе я не мог найти вашего журнала. Узнав ваш адрес, прошу выслать мне журнал "ДТП." Я могу дать кое-что для журнала, т.к. этапы моей подсоветской жизни дали мне достаточно материала. **И. Ш.**

НЬЮ БРОНЗВИК, Нью Джерзи. — Товарищи, очень сожалею, что не прислала вам во-время свою лепту на журнал "ДТП." Сейчас прилагаю денежный перевод. **Ф. Ч.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 50 д., из коих 27 д. за проданные номера журнала, 18 д. в издательский фонд "ДТП" (Д. Савчук — 5 д., И. Черный — 5 д., супруги Морозовы — 5 д. и И. Г. Бондарев из Канады — 3 д.) и 5 д. для Н. М. от С. Евдост. Выражаем нашу глубокую признательность и сердечную благодарность всем жертвователям, а также В. Мирецкой и Г. Кипеню за исключительно ценные, подаренные ими, книги для библиотеки. Мы верим, что и другие последуют их примеру. **И. Ч.**

БОСТОН, Мэссачузетс. — Сердечный привет вам всем, делотрудовцы! Посылаю вам доллар и прошу выслать мне уважаемый журнал "ДТП," по которому я соскучился, т.к. не читал с № 34. Я хочу познакомить некоторых людей с журналом и возможно у кого-нибудь проявится пробуждение к истине. Конечно, трудно убеждать людей, поклоняющихся земным и небесным богам, но попытка — не пытка, а тем более жаль страждущий народ с его душевной простотой, наивностью и упованием на спасение, которое обещает ему духовенство.

Известно, что всякая власть человека над человеком зиждется на грубом насилии, затем на лжи и обмане. Духовенство и власть имущие исковеркали человеческий разум, и сегодня люди не в состоянии отделить ложь от истины, утверждая, что они находятся "под защитой" миролюбивых правителей, ведущих их по пути к свободе и благоденствию. Однако властвующие никого освобождать не собираются, а "миротворцы" бросают бомбы, разрушают города и убивают ни в чем невиноватых мирных людей. Во всем этом нет ни морали, ни логики.

Извиняюсь, что долго не писал вам: слишком устаю физически после дневной работы, а веселого ничего нет, поэтому не охота браться за перо. Работа моя тяжелая, а похвастаться здоровьем не могу: добрая половина его была положена в Европе, когда нас "освобождали" от родины и родных, от жен и детей, от свободы и всех человеческих стремлений, а то и от жизни. К тому же семья у меня большая, а работников нет. За последние два месяца положение улучшилось, т. к. жена достала работу. Материально семья обеспечена гораздо лучше, чем в Европе, однако предугадывать будущее не собираюсь, ибо мы привыкли ко всяким неожиданностям. Я очень рад, что вырвался из лагерной клоаки. Желаю вам всего наилучшего.
С тов. приветом **С. С—в.**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Мы прибыли сюда в середине сентября, сдали груз и ждем у моря погоды. Еще не известно, куда пойдем. Больше 4 недель не был в Атверпене. Побывал в Югославии и Турции и теперь нет у меня желания опять побывать там, хотя очевидно придется еще раз поехать с грузом в эти страны. В Америке чувствуется усиление реакции в связи с военной истерией: в Балтиморе мне не разрешили сходить на берег, т. к. мой нансенский паспорт показался американским властям революционным; чиновник, взглянув на мой паспорт и на мой лоб, отказал мне в разрешении сходить на американский берег. Уже свыше недели, как я прикован по вечерам к пароходу, словно преступник какой. А ведь я — герой, во время войны возил ценные грузы и после войны привязан к морю. Из старых моряков почти никого не вижу; многие из них погибли во время войны, а многие другие — просто исчезли, а я все еще плаваю.

Мне приходится часто слышать от чиновников: "Ты — иностранец и ты нам не нужен; не думай оставаться на берегу." Однако эти господа налоги берут, а заработать на хлеб не дают. Страшно одичали ныне государственные нравы. Таков "прогресс" современного человечества... **Я. К.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Товарищи "делотрудовцы," читая отчет о пожертвованиях в фонд вашего ценного органа печати, я прихожу к печальным выводам: сердца людей очерствели. Хочется крикнуть: "Эй, вы, волики, соколики, что вы головы повесили?!" Вы знаете, что я не разделяю ваших взглядов, но дело ваше считаю гуманным и нужным. Жертвую 6 д. в фонд журнала "ДТП" и желаю вам успеха. **И. Сивко.**

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Пенн. — Дорогие товарищи, посылаю вам денежным переводом 20 д., из коих 10 д. в фонд журнала "ДТП" от Криворожского шахтера, остальные на книгу Максимова: В. Я. — 3 д. и Криворожский шахтер — 7 д. **И. Скиталец.**

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ДТП"
ОТ ИЮЛЯ ДО 1-го ДЕКАБРЯ 1952 г.

ПРИХОД:

Поступило за проданные номера журнала....	48.35
Поступило на подписку журнала	11.00
За проданные книги	61.50
Пожертвования от групп и от отдельных товарищей	125.75
Остаток на 15 июня	62.66
Итого	309.26

РАСХОД:

Печатание 39-го номера "ДТП"	320.00
Рента почтового ящика за 6 месяцев	8.00
Канцелярские расходы	2.50
Экспедиция журнала	64.00
Итого	394.50
Дефицит на 1-го декабря 1952 г.........................	85.24

Ред. Коллегия.

Поступили в Редакцию

От Издательства имени А. П. Чехова при Восточно-Европейском Фонде следующие книги:

А. АХМАТОВА—Избран. стихи. 262 стр.	$2.25
В. АЛЕКСЕЕВ — Невидимая Россия. 400 стр.	2.75
И. БУНИН—Жизнь Арсеньева. Роман. 388 стр.	2.75
М. БУЛГАКОВ—Сборник Рассказов. 212 стр.	1.75
Вл. ВЕЙДЛЕ—Вечерний День. 224 стр.	2.00
А. ТЫРКОВА—На путях к свободе. 416 стр.	3.00
Н. В. ГОГОЛЬ — Повести. 272 стр.	2.00
Роман ГУЛЬ—Конь Рыжий. Повесть. 288 стр.	2.00
Г. СТРУВЕ—Неизданный Гумилев. 240 стр.	2.25
ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ—Глухой Приход.	2.25
Ю. ЕЛАГИН—Укрощение Искусств. 436 стр.	3.00
Евг. ЗАМЯТИН—Мы. Роман. 224 стр.	1.75
М. ЗОЩЕНКО—Повести и рассказы. 428 стр.	2.75
М. КОРЯКОВ—Освобождение Души. 372 стр.	2.75
К. КРИПТОН—Осада Ленинграда. 256 стр.	2.00
Н. ЛЕСКОВ—Соборяне. Хроника. 400 стр.	2.75
С. МАЛАХОВ—Летчики. Пьеса. 72 стр.	1.00
С. МАКСИМОВ—Тайга. Рассказы. 208 стр.	1.75
В. МАРКОВ—Приглушенные Голоса. 416 стр.	3.00
В. В. НАБОКОВ—Дар. Роман. 416 стр.	3.00
Н. НАРОКОВ—Мнимые Величины. 416 стр.	3.00
М. ОСОРГИН—Письма о незначительном	3.00
Б. ПАНТЕЛЕЙМОНОВ—Последняя Книга	2.00
А. РЕМИЗОВ—В розовом блеске. 416 стр.	3.00
Г. ФЕДОТОВ—Новый Град. 384 стр.	2.75
Н. ТЭФФИ—Земная Радуга. 285 стр.	2.00
Ф. ТЮТЧЕВ—Избранные Стихи. 272 стр.	2.00
С. ЮРАСОВ—Враг Народа. Роман. 208 стр.	2.00
С. ШВАРЦ—Антисемитизм в СССР. 272 стр.	2.25
М. АЛДАНОВ—Живи как хочешь 1 т. 384 стр.	2.75
М. АЛДАНОВ—Живи как хочешь. II т. 320 стр.	2.75
А. БОГОЛЕПОВ—Русская Лирика. 416 стр.	2.75
Вилла КАТЭР—Моя Антония. Роман. 320 стр.	2.50
М. НОВИКОВ—От Москвы до Нью-Иорка.	3.00

Адрес:

CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
387 Fourth Ave., New York 16, N. Y.

G. P. MAXIMOFF: Constructive Anarchism. Translated by Ada Siegel. Forword by George Woodcock. Pp. 152. $2.50.

MAXIMOFF PUBLICATION COMMITTEE
242 Halsted St., Chicaco 14, Ill.

Самые большие расходы делаются для того, чтобы быть похожими на других. Ни для ума, ни для сердца мы не тратим так много. — Эмерсон.

Новая книга
Г. П. МАКСИМОВА
на английском языке

Конструктивный Анархизм

Цена $2.50

Все заказы направлять по адресу:
Maximoff Publication Committee
242 Halsted St., Chicago 14, Ill.